

Ктаадн

1848, источник: [здесь](#)

Повесть «Ктаадн» («Ktaadn») впервые опубликована в 1848 г. в нью-йоркском журнале «Юнион Мэгезин». Посмертно, в 1864 г. включена в книгу «Мэнские леса», составленную сестрой Торо Софьей и его другом Уильямом Эллери Чаннингом.

31 августа 1846 года я уехал поездом, а затем пароходом из Конкорда в штате Массачусетс в Бангор [5] и в леса штата Мэн; часть пути я предполагал проехать в обществе моего родственника, который занимался торговлей лесом в Бангоре и ехал по своим делам до Плотины на Западном Рукаве реки Пенобскот. Плотина находится примерно в ста милях от Бангора, в тридцати – от хоултонской дороги и в пяти – от последней жилой бревенчатой хижины. Оттуда я намеревался, одолев тридцать миль, подняться на Ктаадн, вторую по высоте вершину Новой Англии, а также посетить некоторые озера вдоль реки Пенобскот – один или с теми спутниками, какие могут там встретиться. В это время года лагеря лесорубов в такой глуши редки, ибо заготовка бревен уже окончена, и я был рад встретить рабочую артель, которая чинила все, что было разрушено большим весенним паводком. До горы легче и быстрее добраться – верхом или пешком – с северо-востока, по арустукской дороге и вдоль реки Уассатакуойк; но тогда вы гораздо меньше увидите лесов и вовсе не увидите великолепной реки и озер, не испытаете жизнь речника на его плоскодонном bateau. [6] Время года было удачное, ибо летом целые тучи черных мух, москитов и мошкар, которую индейцы называют «невидатьихи», делают путешествие по лесу почти невозможным; но теперь их царствование, можно сказать, окончилось.

Гора Ктаадн, что на языке индейцев означает «самое высокое место», была покорена белыми людьми в 1804 году. В 1836-м ее посетил профессор Дж.-У. Бейли [7] из Вест-Пойнта; в 1837-м – д-р Чарлз Т. Джексон, [8] Главный Геолог штата; а в 1845-м – два молодых бостонца. Все они оставили описания своего восхождения. После меня там побывало несколько человек и рассказало об этом. Кроме перечисленных, почти никто, даже из числа лесных жителей и охотников, не подымался туда, и мода на эти восхождения придет не скоро. Гористая часть штата Мэн тянется от Белых Гор на сто шестьдесят миль к северо-востоку, до верховьев реки Арустук, а в ширину имеет около шестидесяти миль. Гораздо обширнее ее дикая, незаселенная часть. Всего лишь несколько часов пути в этом направлении приведут любознательного человека к первозданному лесу, и это будет, пожалуй, более интересно во всех отношениях, чем если бы он проделал тысячу миль на запад.

На следующий день, во вторник 1 сентября, мы с моим спутником отправились в двухместной повозке из Бангора вверх по реке; на следующий день к вечеру нас должны были догнать, миль через шестьдесят, у Мыса Маттаванкеаг, еще два жителя Бангора, которые тоже решили подняться на гору. У каждого из нас был рюкзак, то есть мешок, с необходимой одеждой и другими предметами; у моего спутника было ружье.

В первые двенадцать миль от Бангора мы проехали деревни Стилуотер и Олдтаун, выстроенные у Пенобскотского Водопада – главного источника энергии, превращающей леса Мэна в древесину. Лесопилки стоят прямо над рекой. Здесь круглый год тесно и шумно; здесь дерево, некогда зеленое, потом белое, становится всего лишь древесиной. Здесь рождаются дюймовые, двухдюймовые и трехдюймовые доски; здесь м-р Лесопильщик размещает участки, которые решают судьбу поверженных лесов. Через это стальное сито, более или менее крупное, беспощадно пропускают стройные деревья из мэнского леса, с горы Ктаадн, Чесункука и верховьев реки Сент-Джон, пока они не выйдут оттуда в виде досок, дранки, планок и легкой, уносимой ветром стружки; но и их человек еще будет строгать и строгать до нужных ему размеров. Подумать: вот стояла на берегу Чесункука белая сосна, шелестя ветвями на всех ветрах, дрожа каждой иглой в лучах солнца; и вот ее, быть может, продают спичечной фабрике в Новой Англии! Я читал, что в 1837 году на Пенобскоте и его притоках выше Бангора было двести пятьдесят лесопилок, большей частью именно здесь; за год они производили двести миллионов футов досок. Прибавьте к этому древесину с Кеннебека, Андроскогина, Сако, Пассамокуоди и других рек. Неудивительно, что мы так часто слышим о судах, задержанных у нашего побережья на целую неделю сплавной древесиной из лесов Мэна. По-видимому, тамошние люди, точно неутомимые демоны, поставили своей целью как можно скорее вывезти лес из всего края, из каждого бобрового болота и горного склона.

В Олдтауне мы посетили верфь, где делают плоскодонки-bateaux. Ими снабжают реку Пенобскот. Мы осмотрели их несколько на стапелях. Это легкие, изящные лодки, рассчитанные на быстрые и порожистые реки; через волоки их переносят на плечах; в длину они имеют от двадцати до тридцати футов, в ширину – всего четыре или четыре с половиной; оба конца заострены, как у каноэ; в передней части их дно несколько шире, и над водой они поднимаются на семь-восемь футов, чтобы легче скользить через камни. Их делают очень тонкими, всего в две доски, обычно скрепленные несколькими легкими угольниками из клена или другого твердого дерева, зато изнутри они отделаны лучшим сортом планок из белой сосны. Этого уходит на них очень много из-за их формы, ибо дно делается совершенно плоским не только в ширину, но и из конца в конец. От долгого употребления они иногда прогибаются, и тогда речники переворачивают их и выпрямляют с помощью тяжестей на обоих концах. Нам сказали, что такая лодка изнашивается за два года, а нередко даже за одно плавание, из-за камней; тогда ее продают за четырнадцать – шестнадцать долларов. Само название этого каноэ для белых людей прозвучало для меня чем-то освежающим и музыкальным, напомнив о Шарлеруа [9] и о канадских voyageurs. [10] Bateau – это некая помесь каноэ и лодки; это – лодка торговца мехами.

На перевозе мы прошли мимо Индейского острова. Уходя с берега, я заметил малорослого оборванного индейца, похожего на прачку; у тех тоже бывает обычно удрученный вид девочки, плачущей над пролитым молоком; индейцы приплывают «сверху», высаживаются в

Олдтауне поближе к бакалейной лавке, вытаскивают свое каноэ на берег и поднимаются в гору, держа в одной руке связку шкур, а в другой – пустой бочонок. Эту картинку следовало бы поместить на первой странице Истории индейца, вернее, истории его истребления. В 1837 году от этого племени оставались триста шестьдесят две души. Сейчас остров кажется безлюдным. Правда, среди потрепанных непогодой домов я заметил несколько новых, словно племя еще намерено жить на свете; но обычный вид этих домов очень убог и безрадостен; все какие-то задворки и дровяные сараи; не жилища, даже для индейцев, а замены жилищ, ибо жизнь их проходит *domi aut militiae*, то есть дома или на войне; теперь, впрочем, скорее *venatus*, то есть главным образом на охоте. Единственное нарядное здание – церковь, но Абенаки [11] тут ни при чем, это дело рук Рима. [12] Для канадцев это, быть может, хорошо, но для индейцев плохо. А ведь когда-то они были могучим племенем. Сейчас они увлечены политикой, я даже подумал, что вигвамы, пляска с заклинаниями и пленник, привязанный к столбу в ожидании пыток, и то выглядели бы приличнее.

Мы высадились в Милфорде и поехали восточным берегом Пенобскота, все время видя перед собой реку и Индейские острова, ибо им остались все острова до самого Никатоу, в устье Восточного Рукава. Острова большей частью лесисты, и говорят, что почва там плодороднее, чем по берегам реки. Река казалась мелкой, изобиловала камнями и прерывалась порогами, журчавшими и сверкавшими на солнце. Мы на миг остановились посмотреть на ястреба, который кинулся на рыбу с большой высоты и летел точно стрела, но на этот раз упустил добычу. Мы ехали по хоултонской дороге, по которой некогда вели войска к Холму Марса, [13] но, как оказалось, не к Полю Марса. Здесь это главная и почти единственная дорога, отличная, прямая дорога, которую содержат не хуже, чем в прочих местностях. Всюду мы видели следы Большого Паводка: то покосившийся дом, оказавшийся не там, где он был построен, а там, где его нашли на следующий день после паводка; то другой дом, словно пропитанный водою, который все еще проветривают и сушат; то раскиданные бревна, помеченные многими владельцами, а некоторые – послужившие мостками. Мы переехали Сункхейз – общее индейское название Олеммон, – Пассадумкеаг и другие речушки, которые на карте выглядят более внушительно. В Пассадумкеаге мы нашли все, кроме того, что обещает его индейское название: белых людей, всерьез озабоченных политикой и желающих знать, как пройдут выборы; они говорили быстро, приглушенно, с какой-то заговорщической серьезностью, которой невольно заражаешься; не дожидаясь знакомства, они становились у нашей повозки и старались сказать многое в немногих словах, ибо видели, что мы нетерпеливо вертим в руках кнут; но всегда во многих словах ухитрялись мало что сказать. Как видно, у них уже были предвыборные митинги и будут еще победы и поражения. Кто-то будет избран, кто-то нет. Один из них, совершенно незнакомый, появившийся возле нашей повозки в сумерках, испугал лошадь своими речами, которые становились тем торжественней и уверенней, чем меньше виделось в нем чего-либо внушавшего уверенность. На карте Пассадумкеаг выглядел скромнее. На закате, чтобы сократить путь, мы свернули с берега реки к Энфилду и там заночевали. Присвоив ему и некоторым другим поселкам по этой дороге названия, их выделили среди массы безымянных, в сущности, неизвестно почему. Впрочем, здесь я увидел у старейшего из поселенцев целый яблоневый сад; деревья были крупные, здоровые и плодоносили; но все это были дички, малоценные из-за невозможности прививок. Дальше вниз по реке дело так обстоит всюду. Если бы какой-нибудь массачусетский парень прибыл сюда с отборными черенками и всем, что нужно для прививки, это было бы не только выгодным, но и благим

делом.

На следующее утро мы проехали по холмистой местности, мимо озера Колдстрим, красивейшего водоема длиной в четыре-пять миль; в сорока пяти милях от Бангора, у Линкольна – большого, по здешним местам, селения, главного после Олдтауна, – мы снова выехали на хоултонскую дорогу, которую здесь называют военной дорогой. Узнав, что на одном из индейских островов есть еще несколько вигвамов, мы оставили лошадь и повозку и пошли полмили лесом к реке, чтобы нанять проводника для восхождения на гору. Найти индейские жилища нам удалось лишь после долгих поисков; это маленькие хижины в уединенных местах, где пейзаж отличается особой мягкой красотой; вдоль реки тянутся привольные луга и растут стройные вязы. К острову мы переправились в каноэ, которое нашли на берегу. Там, где мы причалили, сидела на камне индейская девочка лет десяти – двенадцати; она стирала и пела песню, похожую на стон. Таковы туземные напевы. На берегу лежала деревянная острога, чтобы бить лосося; такой они, вероятно, пользовались и до прихода белых. С боку ее остря был прикреплен эластичный кусок дерева, которым защемлялась рыба, – нечто похожее на приспособление, удерживающее ведро на конце колодезного журавля. По дороге к ближайшему дому нас встретила дюжина собак свирепого вида, возможно – прямых потомков тех древних индейских псов, которых первые путешественники называли «их волки». Скоро появился хозяин дома с длинной палкой, которую он, пока вел с нами переговоры, отгонял своих собак. Это был крепко сложенный, но вялый и неряшливый малый, который в ответ на наши вопросы медлительно, точно делал первое за этот день серьезное дело, сообщил, что сегодня, еще до полудня, индейцы собираются идти «вверх по реке» – он и еще один. Кто же второй? Луи Нептун, из соседнего дома. Так пойдем вместе к Луи. Новая встреча с собаками – и появляется Луи Нептун, низенький, жилистый, морщинистый человечек, но из них двоих, видимо, главный; помнится, тот самый, кто в 37-м водил на гору Джексона. Мы задаем Луи те же вопросы и получаем те же ответы, а первый индеец стоит тут же. Оказывается, сегодня в полдень, в двух каноэ, они отправятся на месяц в Чесункук охотиться на лося. «Так вот, Луи, вы остановитесь у Мыса (у Пяти Островов, чуть ниже Маттаванкеага) и заночуете; а мы – нас будет четверо – завтра пойдем вверх по Западному Рукаву и подождем вас у Плотины или на этой стороне. А вы нагоните нас завтра или послезавтра и возьмете в свои каноэ. Мы подождем вас, а вы – нас. И мы вам заплатим за труды». – «Да, – ответил Луи, – а может, возьмете провизии на всех – свинины, хлеба, – вот и плата». Еще он сказал: «Я наверняка добуду лося». А когда я спросил, позволит ли нам Помола взойти на вершину, он сказал, что надо поставить там бутылку рома; он их ставил немало, а когда оглядывался, рома уже не было. Он подымался туда два или три раза и оставлял записки – на английском, немецком, французском и др. Индейцы были одеты очень легко, в рубахах и штанах, как одеваются у нас рабочие в летнее время. В дом они нас не приглашали и разговаривали с нами на улице. И мы ушли, считая, что нам повезло – нашли таких проводников и спутников.

Домов вдоль дороги было очень мало, но все же они попадались, – видно, закон, рассеявший людей по планете, весьма строг и не может нарушаться безнаказанно или слишком часто.

Раз или два встретились даже зародыши будущих селений. Сама же дорога была удивительно красива. Различные вечнозеленые деревья – у нас почти все редкие, – прекрасные экземпляры лиственницы, туи, ели и пихты высотой от нескольких дюймов до

многих футов росли по обе ее стороны, напоминая местами длинный сад; под деревьями без перерывов тянется плотный газон, удобряемый речными наносами; чуть отступя, по обе стороны начиналась мрачная лесная глушь, лабиринт живых, упавших и гниющих деревьев, сквозь который могут пробраться только олень и лось, медведь и волк. Вдоль дороги, скрашивая путь хоултонским упряжкам, росли деревья, какими не может похвастать ни один сад.

Около полудня мы добрались до Маттаванкеага, в пятидесяти шести милях от Бангора, и остановились на заезжем дворе, все на той же хоултонской дороге, там, где останавливается хоултонский дилижанс. Здесь через Маттаванкеаг перекинут прочный крытый мост, построенный, как нам сказали, лет семнадцать назад. Мы пообедали. Как во всех заезжих дворах по этой дороге, к обеду и даже к завтраку и ужину ставится вдоль стола, впереди всего прочего, различная «сладкая сдоба». Могу с уверенностью сказать, что перед нами двумя стояла дюжина блюд со сладостями. Нам объяснили это тем, что лесорубам, приходящим из лесов, более всего хочется сладкого, кексов и пирогов, которые там почти неизвестны; в ответ на этот спрос и возникает предложение. Оно всегда равно спросу, а эти изголодавшиеся люди хотят за свои деньги что-то действительно получить. Когда они добираются до Бангора, равновесие в их питании наверняка восстанавливается – Маттаванкеаг удовлетворяет их первое острое желание. А мы, отнесясь к «сладкой сдобе» с философским безразличием, принялись за то, что стояло позади; и я отнюдь не хочу сказать, что по количеству или качеству оно не может удовлетворить другой спрос – не лесных, а городских жителей – на оленину и сытные деревенские кушанья. После обеда мы прошли к Стрелке, образованной слиянием обеих рек; говорят, что здесь в давние времена произошло сражение между восточными индейцами и могавками; [14] мы старались найти какие-нибудь реликвии, хотя посетители бара ни о чем таком не слыхали; нашлось только несколько осколков камня, из которого делались наконечники стрел, несколько таких наконечников, маленькая свинцовая пуля и немного цветных бусин, которые, вероятно, восходят к временам первых скупщиков меха. Маттаванкеаг хотя и широка, но является всего лишь ложем реки, полным камней, а в это время года так мелеет, что ее можно перейти, почти не замочив сапог; и я едва поверил своему спутнику, когда он сказал, что однажды проплыл вверх по ней миль шестьдесят в bateau мимо дальних, еще нетронутых лесов. Сейчас bateau вряд ли мог бы найти себе гавань даже в ее устье. Зимой здесь, почти перед самым домом, можно добыть оленя, карибу и северного оленя.

Пока не прибыли наши спутники, мы проехали по хоултонской дороге еще семь миль, до Молункуса, где на нее выходит арустукская дорога и стоит в лесу просторный заезжий двор, называемый «Молункус», который содержится неким Либби; он словно выстроен для танцев или военных учений. Других следов пребывания человека, кроме этого огромного дворца, крытого дранкой, не видно во всей здешней стороне; однако и он бывает порою полон путников. С площадки возле него я смотрел на арустукскую дорогу и не видел вдоль нее ни одной просеки. На дорогу как раз собирался выехать человек в оригинальной, грубо сколоченной, прямо-таки арустукской повозке – просто сиденье, под ним ящик, где лежит несколько мешков и спит собака, которая их сторожит. Человек бодро вызвался отвезти письмо кому угодно в здешнем краю. Мне кажется, что если заехать на край света, и там окажется кто-нибудь отправляющийся еще дальше, причем так, словно он просто собрался под вечер домой и остановился на минутку, докончить разговор. Были здесь и мелкий

торговец, сперва мною незамеченный, и его лавка – разумеется, небольшая – в маленькой будке позади вывески: «Молункус». Лавка напоминала весы, на каких взвешивают сено. Что касается его жилища, то мы могли только гадать, где оно и не проживает ли он в «Молункусе». Я видел его в дверях лавки – она была так мала, что, если бы проезжий человек задумал войти, лавочнику пришлось бы выйти задним ходом и через окошко переговариваться с покупателем о товарах, а те, вероятно, помещаются в подвале, а еще вероятнее, только еще заказаны и находятся в пути. Я бы к нему зашел, ибо почувствовал желание что-то купить, если бы не задумался над тем, что с ним при этом станет. Накануне мы заходили в одну лавку, тоже по соседству с заезжим двором, где мы остановились, – этакий хилый зачаток торговли, которому суждено в будущем городе вырасти в торговую фирму, да она уже и называлась «Некто и К°». Фамилию я забыл. Из недр пристроенного к лавке жилища вышла женщина; она продала нам пистонов и других охотничьих товаров, знала их цены и качества и что именно предпочитают охотники. Тут, в этом маленьком помещении, было всего понемногу для нужд лесных обитателей; все было тщательно отобрано и доставлено в кузове повозки или хоултонским дилижансом. Правда, мне показалось, что больше всего, как обычно, было детских игрушек – лающих собачек, мяукающих кошек и труб, в которые можно дудеть, каких в этом краю еще не делают. Точно ребенок, рожденный в лесах Мэна среди сосновых шишек и кедровых орешков, не может обойтись без сахарных человечков и попрыгунчиков, какими играет маленький Ротшильд!

[15]

За все семь миль до Молункуса нам, кажется, встретился всего один дом. Там мы перелезли через забор на только что засаженное картофельное поле, вокруг которого еще горел поваленный лес; выдернув ботву, мы обнаружили почти зрелые и довольно крупные картофелины, а росли они как сорняки, вперемежку с репой. Для расчистки участков сперва срубают деревья и жгут все, способное гореть; затем распиливают стволы на удобной длины куски, сваливают их в кучи и снова поджигают; потом, работая мотыгой, сажают картофель в промежутки между пнями и обугленными стволами; зола дает достаточно удобрения для первого урожая; в первый год не требуется и рыхление. Осенью снова идет рубка, снова валят стволы в кучи и жгут, и так до тех пор, пока участок не расчищен; скоро он будет готов под посев зерна. Пусть кто хочет говорит в городах о нужде и тяжелых временах; неужели иммигрант, имевший деньги на проезд до Нью-Йорка или Бостона, не может заплатить еще пять долларов, чтобы доехать сюда – я, например, заплатил три за двести пятьдесят миль от Бостона до Бангора – и стать богатым там, где земля не стоит ничего, а дома – только труда на постройку, и начать жизнь, как начинал ее Адам? Если он все еще будет помнить разницу между бедностью и богатством, пусть заказывает себе дом потеснее.

Когда мы вернулись в Маттаванкеаг, там уже стоял хоултонский дилижанс и некий человек из Канады своими вопросами выказывал перед янки полную неопытность. Почему канадские деньги здесь не принимают по номиналу, когда деньги Штатов во Фредериктоне принимают – но это был как раз резонный вопрос. Из того, что я тогда увидел, можно заключить, что человек из Канады является ныне единственным истинным янки, то есть братцем Джонатаном, [16] который настолько отстал от предприимчивых соседей, что не умеет даже задать этот простой вопрос. Ни один народ не может долго оставаться провинциальным, если имеет, подобно янки, склонность к политике и к бережливости, легок на подъем и

обгоняет старую родину разнообразием своих изобретений. Одно лишь обладание практической сметкой и применение ее – вот надежный и быстрый способ приобрести и культуру, и независимость.

На стене висела последняя, изданная Гринлифом карта штата Мэн; так как у нас не было карманной карты, мы решили переснять карту здешнего озерного края. Окунув в лампу пучок пакли, мы промаслили на столовой клеенке лист бумаги и, старательно следуя очертаниям воображаемых озер, добросовестно вычертили нечто, оказавшееся впоследствии клубком ошибок.

Карта Общественных Земель штатов Мэн и Массачусетс – вот единственная из виденных мною, заслуживающая этого названия. Пока мы этим занимались, прибыли наши спутники. Они видели огни индейских костров на Пяти Островах, и мы заключили, что все в порядке.

На другой день мы с раннего утра взвалили на спину котомки и пошли пешком вдоль Западного Рукава; ибо мой спутник пустил свою лошадь попастись неделю или дней десять, полагая, что свежая трава и проточная вода так же пойдут ей на пользу, как пища лесорубов и новые впечатления – ее хозяину. Мы перелезли через какую-то изгородь и пошли едва приметной тропой вдоль северного берега Пенобскота. Дальше дороги не было, единственным путем была река; и на тринадцать миль мы насчитали всего полдюжины бревенчатых хижин, жавшихся к ее берегам. По обе стороны и впереди простиралась до самой Канады необитаемая глушь. Ни лошадь, ни корова, ни повозка ни разу не прошли по этой земле; скот и те немногие крупные предметы, какими пользуются лесорубы, доставляются зимой по льду реки и обратно, и так до весеннего ледохода. Вечнозеленый лес источал бодрящий аромат; воздух был точно живительный напиток, и мы бодро шли гуськом, с удовольствием разминая ноги. Иногда в чаще открывался небольшой просвет; это протоптали путь, чтобы скатывать бревна; и тогда нам являлась река – неизменно быстрая и порожистая. Шум порогов, крик древесной утки на реке, звуки, издаваемые сойками и синицами над нашими головами и золотистым дятлом – там, где в чаще встречались просветы, – вот все, что мы слышали. Это был, можно сказать, с иголки новый край; дороги здесь – только те, что проделала Природа, а немногие постройки – всего лишь бараки лесорубов. Здесь уж нельзя ни в чем винить общество и его установления; здесь надо самим искать истинный источник зла.

Три категории людей посещают край, куда мы вступили, или проживают там. Первые – это лесорубы, которые зимой и весной встречаются гораздо чаще прочих, но летом исчезают почти полностью, если не считать двух-трех разведчиков леса. Вторые – это немногочисленные, названные мною поселенцы, единственные постоянные жители, обитающие на опушке леса и помогающие выращивать пищу для первых. Третьи – это охотники, большей частью индейцы, которые скитаются здесь в охотничий сезон.

Пройдя три мили, мы дошли до речки Маттасеунк и мельницы; был здесь даже грубо сколоченный деревянный рельсовый путь, спускавшийся к Пенобскоту, – последний рельсовый путь, какой нам предстояло встретить. На берегу реки мы перешли через завал, протянувшийся более чем на сто акров; деревья были только что срублены и подожжены и еще дымились. Наша тропа проходила посреди них и была почти незаметна. Деревья

лежали слоем в четыре-пять футов, перекрещиваясь во всех направлениях, совершенно обугленные, но внутри еще крепкие, пригодные на топливо или на стройку; скоро их перепилят и снова станут жечь. Тут были тысячи вязанок, которыми можно было бы целую зиму обогревать бедняков Бостона и Нью-Йорка; сейчас они лишь загромождали путь и мешали поселенцам. И весь этот мощный, бесконечно большой лес обречен, точно стружки, на постепенное истребление огнем и не обогреет ни одного человека. В семи милях от Мыса, в устье Лососевой Реки, возле хижины Крокера один из нас стал раздавать детям маленькие книжки с картинками, ценою в цент, а родителям – более или менее свежие газеты; это для жителей леса самый желанный подарок. Так что газеты были важной частью нашего багажа, а иногда – единственной монетой, имевшей хождение. Лососевую Реку я перешел не разуваясь, так низко стояла вода, хотя ноги все же промочил. Пройдя еще несколько миль и большую вырубку, мы пришли к «Madame Хоуард»; здесь были уже две-три хижины в поле зрения, одна на противоположном берегу реки, а также несколько могил, и даже за деревянной оградой, где покоились смиренные предки будущего селения; и быть может, лет через тысячу поэт напишет здесь свою «Элегию на сельском кладбище». А здешние сельские «незнаемые Хэмпдены [17]», Мильтоны, «немые, и неславные», и Кромвели, «неповинные в крови сограждан», еще не родились.

“ Может быть, здесь, в могиле, ничем не заметной, истлело
Сердце, огнем небесным некогда полное; стала
Прахом рука, рожденная скипетр носить иль восторга
Пламень в живые струны вливать... [18]

Следующим домом, в десяти милях от Стрелки, в устье Восточного Рукава, был дом Фиска; он стоит в устье Восточного Рукава, напротив острова Никатау, или Вилки, – последнего из Индейских островов. Я намеренно привожу фамилии поселенцев и расстояния, поскольку в этих лесах каждая бревенчатая хижина дает приют путнику, и такая информация очень пригодится тем, кому случится здесь путешествовать. Мы в этом месте переправились через Пенобскот и пошли его южным берегом. Один из нас, войдя в хижину в поисках кого-нибудь, кто бы нас переправил, сообщил, что внутри было очень уютно, много книг и молодая жена, только что доставленная из Бостона и совершенно непривычная к лесам. Восточный Рукав оказался у своего устья широким и быстрым, и гораздо глубже, чем был на вид. Отыскав с некоторым трудом продолжение нашей тропы, мы пошли по южному берегу Западного Рукава, то есть главного русла, прошли мимо порогов, называемых Рок-Эбим, чей рев мы слышали в лесу, и скоро в самой густой чаще обнаружили несколько пустых барачков лесорубов, недавно построенных и прошлой зимою обитаемых. Хотя позже нам встретились и другие, я опишу один, чтобы он представлял их все. В таких жилищах проводят зиму в лесу лесорубы Мэна. Жилой барак и сарай для скота едва ли чем-то различаются, разве что у последнего нет печной трубы. Барак имеет двадцать футов в длину и пятнадцать в ширину; он строится из бревен – тут и канадская тсуга, и кедр, и ель, и желтая береза; бревна – одного сорта дерева или разных; кора с них не сдирается; сперва на высоту трех-четырёх футов укладывают самые большие, одно над другим, и соединяют, вырубая на концах пазы; потом кладут бревна меньшего размера, опирающиеся концами на поперечные; каждое несколько короче предыдущего; так образуется крыша. Печная труба представляет собой прямоугольное отверстие в середине крыши диаметром в три-четыре

фута, огражденное бревнами на высоту конька. Щели конопатят мхом, а крыша кроется красивыми длинными планками из кедра, ели или сосны, которые расщепляют с помощью всего лишь кувалды и колуна. Самая важная деталь – очаг – повторяет форму и размер дымохода и помещается прямо под ним; снаружи его границы обозначены деревянным ограждением, а внутри – слоем золы в один-два фута толщиной; вокруг него стоят прочные скамьи из расщепленных бревен. Огонь очага растапливает снег и высушивает сырость, прежде чем дождь успеет его затушить. Под застрехами по обе стороны лежит слой увядших веток туи. Есть и места для ведра с водой, для бочки со свининой и лохани для стирки; обычно где-нибудь на бревне лежит засаленная колода карт. Терпеливо выстроган деревянный дверной засов, подражающий железному. Уют такого дома создается жарким огнем, который здесь можно себе позволить и днем и ночью. Окружающая природа сумрачна и дика; лагерь лесоруба так же составляет часть леса, как гриб, выросший у ствола сосны; из него некуда смотреть, кроме как вверх, на небо; вокруг него не больше простора, чем от деревьев, которые вырубili на его постройку и отопление. Если дом прочен, удобен и стоит вблизи источника, обитателя не заботит, какой из него открывается вид. Это именно лесной дом; древесные стволы сложены вокруг человека и укрывают его от ветра и дождя – это еще живые, зеленые стволы, поросшие мхом и лишайником; у желтой березы кара завивается кудрями; всюду выступает свежая смола, всюду лесные запахи, в которых нечто мощное и долговечное, напоминающее о грибах. [19] Пища лесорубов состоит из чая, черной патоки, муки, свинины (иногда говядины) и бобов. Им сбывают большую часть бобов, выращиваемых в Массачусетсе. В экспедициях питаются только сухарями и неизменной свининой, часто сырой, запивая чаем или водой, как случится.

Девственный лес всегда и всюду бывает сырой и мшистый, и у меня возникло ощущение, будто я нахожусь в болоте; но, слыша, что в том или ином месте, судя по качеству леса, есть расчет делать вырубку, я вспомнил, что стоит впустить туда солнце, и тотчас образуется сухая поляна не хуже любой, какие я видел. А сейчас, даже если вы хорошо обуты, ноги у вас будут мокрые. Если почва так сыра и болотиста в самое сухое время года, какова же она весной? Леса изобилуют здесь буком и желтой березой; последняя бывает очень крупной; есть ель, кедр, пихта и тсуга канадская; но от белой сосны нам попадались только пни, иногда очень толстые; сосну уже выбрали как единственное дерево, на которое здесь большой спрос. Кроме того, вырубili немного ели и тсуги. Лес восточных штатов, который в Массачусетсе продается на топливо, весь поступает из местностей ниже Бангора. Только сосна, и то больше белая, соблазнила кого-то кроме охотников побывать здесь раньше нас.

Ферма Уэйта, в тридцати милях от Бангора, стоит на возвышенном месте, посреди обширной вырубки; оттуда открылся нам чудесный вид на реку, которая сверкала и переливалась далеко внизу. Моим спутникам случалось видеть отсюда Ктаадн и другие здешние горы; но в тот день стоял такой туман, что их не было видно. Виднелся только бесконечный лес, тянувшийся к северу и северо-западу вдоль Восточного Рукава к Канаде, а на северо-восток – к долине Арустука. Можно представить себе, сколько в нем всякой дикой живности. Вблизи же – засеянное поле, для этих мест большое; его особый сухой запах мы почуяли чуть ли не за милю.

В восемнадцати милях от Стрелки показалась ферма Мак-Кослина, или «дяди Джорджа», как запросто зовут его мои спутники, хорошо его знающие; здесь мы намеревались

разрешиться от долгого поста. Дом его стоит в плодородной низине, в устье реки Литл Скудик, на противоположном, то есть северном, берегу Пенобскота. Мы собрались на берегу, там, где нас могли увидеть, и подали сигнал выстрелом из ружья, привлечшим сперва собак, а потом их хозяина, который перевез нас на свой берег в bateau. Вырубка со всех сторон, кроме берега реки, окаймлена оголенными стволами деревьев; было так, словно выкосили несколько квадратных футов среди тысячи акров и водрузили там наперсток. Здешнему хозяину принадлежит целое небо и весь горизонт; солнце словно весь день не заходит над его вырубкой. Здесь мы решили переночевать и ждать индейцев, ибо выше не было столь удобного причала. Хозяин не видел, чтобы проходили какие-нибудь индейцы; без его ведома это редко случается. Он сказал, что его собаки дают иногда знать о приближении индейцев за полчаса до их появления.

Этот Мак-Кослин был из Кеннебека, по происхождению шотландец; он двадцать два года проработал лодочником, а пять-шесть весен подряд сплавлял лес на озерах вдоль Пенобскота. Теперь он осел здесь и выращивает провизию для лесорубов и для себя. День или два он принимал нас с истинно шотландским гостеприимством и ничего не захотел с нас взять. Человек он острый и смывленный, каких я не ожидал встретить в лесной глуши. И действительно, чем дальше вы углубляетесь в леса, тем обитатели их оказываются более развитыми и, в известном смысле, менее деревенскими; ибо пионер – это всегда человек бывалый, много повидавший; измерив больше пространства, он и познания имеет более общие и широкие, чем сельский житель. Если, где найдешь узость, невежество и деревенскую ограниченность, то есть все противоположное интеллекту и утонченности, которые, как принято считать, излучаются большими городами, так это среди косных жителей давно заселенных мест, на фермах, где благочестие пошло в семена, в малых городках вокруг Бостона и даже на главной дороге в Конкорд, но никак не в лесах Мэна.

Ужин приготовили при нас в просторной кухне, на очаге, где можно было бы зажарить быка; чтобы вскипятить нам чай, сожгли немало четырехфутовых бревен – зимой и летом здесь жгут березу, бук или клен; дымящиеся кушанья поставили на стол, который только что перед тем был креслом, стоявшим у стены; с него даже пришлось согнать одного из нас. Подлокотники кресла служили опорой для столешницы; верхнюю круглую часть кресла откинули к стене; она стала спинкой и мешала не более, чем сама стена. Мы заметили, что так часто делают в этих бревенчатых домах ради экономии места. И подали нам не индейский хлеб, а горячие пшеничные лепешки из муки, доставленной вверх по реке в bateaux – напомним, что в верхней части Мэна выращивают пшеницу, – затем ветчину, яйца, картофель, молоко и сыр со своей фермы; а также рыбу – сельдь и лосося. К чаю была патока; и завершилось все сладкими лепешками, белой и желтой – не путать с горячими лепешками, те были не сладкие. Такова оказалась пища, преобладающая на этой реке в будни и в праздники. Обычным десертом является горная клюква (*Vaccinium Vitis Idoea*), вареная и подслащенная. Все было здесь в изобилии, и все – самого лучшего качества. Сливочного масла столько, что, прежде чем его засолить, излишками смазывают обувь.

Ночью мы слышали дождь, барабанивший по кедровым планкам крыши, а утром были разбужены несколькими каплями его, попавшими в глаза. Собиралась гроза, и мы решили не покидать столь удобное убежище и именно здесь дожидаться наших индейцев и хорошей погоды. Весь день то лило, то моросило, то сверкало. Что мы делали и как убивали время –

рассказывать не стоит: сколько раз смазывали маслом сапоги и как часто пробирался в спальню тот из нас, кто больше любил поспать. Я шагал взад и вперед по берегу и собирал колокольчики и кедровые орешки. Или мы по очереди пробовали топор с длинным топорщиком на бревнах, сваленных у дверей. Здешние топорщища делаются так, чтобы можно было рубить, стоя на бревне – разумеется, нетесаном, – и поэтому они почти на фут длиннее наших. Потом мы обошли ферму и вместе с Мак-Кослином посетили его полные амбары. Кроме него на ферме был еще один мужчина и две женщины. Он держит лошадей, коров, волов и овец. Кажется, он сказал, что первым доставил так далеко плуг и корову; он мог бы добавить «и последним», ибо исключений было всего два. Год назад его картофель настигла сухая гниль и отняла половину или даже две трети урожая, хотя семена были его собственные. Больше всего он выращивал овса, травы и картофеля; но также немного моркови, репы и «немножко кукурузы для кур». Это все, на что он решался, опасаясь, что не созреет. Дыни, тыквы, сахарная кукуруза, бобы, помидоры и многие другие овощи здесь не вызревают.

Весьма немногочисленные здешние поселенцы явно соблазнились более всего дешевизной земли. Когда я спросил Мак-Кослина, отчего здесь мало селятся, он сказал, что одна из причин – невозможность купить землю; она принадлежит частным лицам или компаниям, которые боятся, что их владения освоят и дадут им статут городов, а тогда их обложат налогом; чтобы поселиться на земле штата, таких препятствий нет. Что до него самого, то он в соседях не нуждается – не хочет, чтобы мимо его дома шла дорога. Соседи, даже самые лучшие, – это всегда хлопоты и расходы, особенно когда дело коснется скота и изгородей. Пожалуй, пусть живут на той стороне реки, но не на этой.

Кур охраняют здесь собаки. Как сказал Мак-Кослин, «сперва за это взялась старая и научила щенка, и теперь они твердо знают, что к ним нельзя подпускать ничего, что летает». Когда в небе показался ястреб, собаки бегали и лаяли, не давая ему спуститься; немедленно изгонялся и голубь, и «желтоклюв», как здесь называют золотистого дятла, стоило им сесть на ветку или пень. Это было главным делом собак, и они занимались им неустанно. Стоило одной подать сигнал тревоги, как из дома выбегала вторая.

Когда дождь лил сильнее, мы возвращались в дом и брали с полки книгу. Там был «Агасфер» [20] – дешевое издание и мелкая печать, – Криминальный календарь, «География» Париша и два-три дешевых романа. Под давлением обстоятельств мы читали всего этого понемногу. И тогда оказывалось, что печать – не столь уж слабое орудие.

Здешний дом, типичный для прочих домов на этой реке, выстроен из толстых бревен, которые торчали отовсюду, а проконопачен был глиной и мхом. Дом состоял из четырех или пяти комнат. Тут не было пиленых досок или дранки; едва ли при постройке пользовались чем-либо, кроме топора. Перегородки были из длинных полос елового или кедрового лубка, который от дыма приобрел нежный розовый оттенок. Тем же вместо дранки была крыта крыша; что было потолще и побольше – пошло на полы. А полы были такие гладкие, что лучше и не надо; при беглом взгляде никто не заподозрил бы, что их не пилили и не строгают. Внушительных размеров камин и очаг были каменные. Метла состояла из нескольких веток туи, привязанных к палке; над очагом, поближе к потолку, был укреплен шест для просушки чулок и одежды. В полу я заметил множество мелких, темных, точно

пробуравленных, дырок; но оказалось, что их проделали шипы, длиною почти в дюйм, которыми сплавщики подбивают свои сапоги, чтобы не скользить на мокрых бревнах. Чуть выше дома Мак-Кослина есть каменистый порог, где весною образуются заторы бревен; и тут собирается много сплавщиков, которые заходят в дом запастись провизией; их следы я и увидел. К концу дня Мак-Кослин указал на той стороне реки, над лесом предвестия хорошей погоды: среди туч алели краски заката. Ибо страны света и здесь те же самые; и часть неба отведена восходу, а другая – закату.

Наутро погода оказалась достаточно ясной для нашей цели, и мы собрались в путь; а так как индейцы в условленное место не явились, мы уговорили Мак-Кослина, который не прочь был повидать места, где прежде работал, сопровождать нас, а по дороге взять еще одного гребца. Холстина для палатки, пара одеял, которых должно было хватить на всех, пятнадцать фунтов сухарей, десять фунтов свинины без костей и немного чая – вот что уместилось в мешке дяди Джорджа. Провизии должно было хватить нам шестерым на неделю, если мы к тому же что-нибудь добудем в пути. Наше снаряжение дополнялось чайником и кастрюлей, а топор мы надеялись взять в последнем доме, какой встретится.

Пройдя вырубку Мак-Кослина, мы снова очутились в вечнозеленой чаще. Едва заметная тропа, проделанная двумя поселенцами, жившими еще выше по течению, и порой с трудом различаемая даже жителями лесов, скоро пересекла открытое место – узкую полосу, заросшую сорняком, когда-то выгоревшую и так и называемую – Горелой Землей; она тянется на девять-десять миль к северу, до озера Миллинокет. Пройдя три мили, мы достигли озера Алоза – оно же Нолисимак, – являющегося всего лишь расширением реки. Ходж, помощник Главного Геолога штата, побывавший тут 25 июня 1837 года, пишет: «Мы толкали нашу лодку через целый акр трифоли, которая укоренилась на дне, а на поверхности воды обильно и очень красиво цвела». Дом Томаса Фаулера находится в четырех милях от Мак-Кослина, на берегу озера, в устье реки Миллинокет, в восьми милях от одноименного озера. По этому озеру пролегает более короткий путь к Ктаадну, но мы предпочли озера Пенобскот и Памадумкук. Когда мы появились, Фаулер как раз достраивал новый бревенчатый дом и выпиливал окошко в бревнах почти двухфунтовой толщины. Он начал оклеивать дом еловой корой, вывернутой наизнанку; это хорошо выглядело и подходило к остальному. Здесь вместо воды нам дали пива, и надо признаться, что это было лучше; пиво было светлое и жидкое, а вместе с тем крепкое и терпкое, как кедровый сок. Мы словно прильнули к сосцам Природы, к ее груди, поросшей сосною, и пили смесь соков всей флоры Миллинокета – сказочный, пряный напиток первозданного леса и терпкую, укрепляющую смолу или экстракт, в нем растворенные, – истый напиток лесоруба, от которого человек сразу здесь осваивается; он все видит в зеленом свете, а когда спит, слышит шелест ветра в соснах. Была здесь и дудка, так и просившая поиграть на ней, и мы вдохнули в нее несколько мелодичных напевов, взятых сюда для укрощения диких зверей. Стоя у двери на куче щепок, мы видели у себя над головой скопу; здесь, над Алозовым Водоемом, можно ежедневно наблюдать, как над этой птицей властвует орел. Том указал на ту сторону озера, где высоко над лесом на сосне ясно виделось, за целую милю, орлиное гнездо; там из года в год поселяется одна и та же пара, и гнездо для Тома священо. Всего два жилища тут и были: его низенькая хижина и высоко в воздухе – орлиная, из охапок хвороста. Мы уговорили и Томаса Фаулера присоединиться к нам, ибо для управления bateau, в котором нам скоро предстояло плыть, нужны были два человека, притом смелых и

искусных, иначе не пройдешь по Пенобскоту. Том быстро собрал свою котомку; у него уже были под рукой сапоги и красная фланелевая рубашка. Это – любимый цвет лесорубов; красной фланели приписываются таинственные свойства; когда потеешь, она всего полезнее для здоровья. В каждой артели встречается множество таких красногрудых птиц. Здесь мы взяли плохонький bateau, пропускавший воду, и прошли на шестах две мили вверх по Миллинокету, к Фаулеру-старшему, чтобы обойти Большой Водопад на Пенобскоте и обменять наш bateau на лучший. Миллинокет – небольшая и мелкая река с песчаным дном, полная чего-то, что показалось мне гнездами миног или прилипал, и окаймленная домиками ондатр; зато, по словам Фаулера, на ней нет порогов, кроме как на выходе из озера. Фаулер косил там на прибрежных лугах и на маленьких низких островках камыш и луговой клевер. В траве на обоих берегах мы заметили вмятины; здесь ночью, сказал он, лежали лоси; и добавил, что на этих лугах их тысячи.

Дом старого Фаулера на Миллинокете, в шести милях от жилища Мак-Кослина и в двадцати четырех от Стрелки, – последний дом на нашем пути. Выше находится только вырубка Гибсона, но его постигла неудача, и участок давно заброшен. Фаулер – старейший житель здешних лесов. Сперва он жил в нескольких милях отсюда, на южном берегу Западного Рукава; шестнадцать лет назад он построил там дом, первый дом, стоявший выше Пяти Островов. Здесь нашему новому bateau предстоял первый волок длиною в две мили, в обход Пенобскотского Большого Водопада; для этого у нас будет конная упряжка, ибо на пути множество камней; но пришлось часа два подождать, пока ловили лошадей, которые паслись на вырубке и забрели далеко. Последний в этом сезоне лосось был только что пойман и замаринован; перепало от него и в наш пустой котелок, чтобы переход к простой лесной пище был постепенным. Неделю назад волки задрали здесь девять овец. Уцелевшие прибежали к дому явно напуганные; это и побудило хозяев выйти на поиски остальных; нашли семь растерзанных и мертвых, а двух овец – еще живых. Их отнесли в дом; по словам миссис Фаулер, у них оказались всего лишь царапины на шее и не было видно никаких ран больше булавочных уколов. Она сбрила шерсть на шеях, промыла царапины, смазала их лечебной мазью и выпустила овец пастись. Но они тут же исчезли и так и не были найдены. Все они были порчены; те, которых нашли мертвыми, сразу раздулись, так что не удалось использовать ни кожу, ни шерсть. Так ожили старые басни про волков и овец, убедив меня, что старинная вражда еще существует. Поистине, овечий пастушонок на этот раз недаром поднял бы тревогу. У дверей дома стояли разных размеров капканы на волков, выдр и медведей, с большими когтями вместо зубьев. Волков часто истребляют также отравленной приманкой.

Наконец, когда мы пообедали обычной пищей лесных жителей, лошади были приведены; мы вытащили наш bateau из воды, увязали его на плетеной повозке, кинули туда же котомки и пошли вперед, предоставив управляться с повозкой нашим гребцам и погонщику – брату Тома. Путь наш проходил через пастбище, где погибли овцы; местами это был самый трудный путь, какой когда-либо доставался лошадям, – по каменистым холмам, где повозка прыгала точно корабль в бурю; чтобы она не опрокинулась, на корме лодки был так же нужен человек, как нужен кормчий в бурном море. Вот, примерно, как мы продвигались: когда ободья колес ударялись о камень высотой в три-четыре фута, повозка подпрыгивала вверх и назад; но, так как лошади все время ее тянули, повозка все же одолевала камень, и так удавалось через скалу перевалить. Вероятно, этот волок в обход порогов проходил по

следу древнего пути индейцев. К двум часам дня мы, шедшие впереди, вышли к реке выше порогов, недалеко от выхода из озера Куейкиш и стали ждать наш bateau. Мы пробыли там очень недолго, когда с запада надвинулась гроза, шедшая с еще невидимых нам озер и из первозданного леса, куда мы стремились; скоро по листьям над нашими головами застучали тяжелые капли. Я выбрал поверженный ствол огромной сосны, футов пяти-шести в диаметре, и уже заползал под него, когда, к счастью, прибыла наша лодка. Каждый человек, надежно укрытый от ливня, немало позабавился бы, глядя, как мы отвязывали ее, как перевернули и как застиг нас в этот миг хлынувший ливень. Едва взявшись за лодку, наша компания тут же выпустила ее и предоставила силе тяжести; едва она оказалась на земле, как все заползли под нее, извиваясь, точно угри. А когда все там укрылись, мы приподняли и подперли чем-то подветренную сторону и принялись строгать уключины для весел, готовясь грести на озерах; а в перерывах между раскатами грома оглашали лес всеми песнями гребцов, какие помнили. Лошади стояли под дождем, мокрые и унылые; дождь все лил, но днище лодки – весьма надежная крыша. Мы задержались тут на два часа; наконец на северо-западе появилась полоска ясного неба, сулившая нам на вечер ясную погоду; погонщик вернулся с лошадьми, а мы поспешили спустить нашу лодку на воду и всерьез начать наше путешествие.

Нас было шестеро, включая двух гребцов. Котомки мы поместили поближе к носу, а сами расселись так, чтобы лучше уравнивать лодку, и получили приказ в случае столкновения со скалой двигаться не больше, чем бочонки со свининой; так мы подошли к первому порогу, небольшому образчику того, что нас ожидало. Дядя Джордж стоял на корме, Том – на носу; каждый орудовал еловым шестом длиной футов в двенадцать; [21] и так мы перепрыгивали пороги наподобие лососей; вода неслась и шумела вокруг, и только опытный глаз мог различить, где удастся пройти, где глубоко, а где камни, которые мы то и дело задевали то одним бортом, то двумя, столько же раз оказываясь в опасности, сколько корабль «Арго», когда проходил мимо Симплегад. [22] У меня имелся некоторый лодочный опыт, но никогда не было и вполтину столь захватывающего, как этот. Нам повезло, когда вместо неизвестных индейцев с нами оказались эти люди; как и брат Тома, они слыли по всей реке лучшими лодочниками и были не только необходимыми кормчими, но и приятными спутниками. Каноэ меньше размерами, легче опрокидывается и быстрее ветшает, а индеец, как говорят, менее искусен в управлении bateau. Обычно на него меньше можно положиться, он больше подвержен капризам и дурному настроению. Даже самое близкое знакомство с тихими водами или с океаном не подготавливает человека к подобному плаванию; где самый искусный, но привычный к иным местам гребец был бы сто раз вынужден вытащить лодку и нести ее на себе, что тоже опасно и ведет к большим задержкам, там опытный пловец на bateau работает шестом сравнительно легко и удачно. Этот отважный voyageur с удивительным упорством подводит лодку чуть ли не к самому водопаду и лишь тогда переносит ее, обходя совсем уж отвесный край, а потом опять спускает ее, прежде чем вновь с уступа ринется река, и опять борется с кипящими вокруг порогов волнами. Индейцы утверждают, будто река некогда текла в обе стороны, половина туда, а другая – обратно, но, с тех пор как пришел белый человек, она вся течет в одну сторону, и им теперь приходится с трудом вести свои каноэ против течения и перетаскивать по многочисленным волокам. Летом все товары – точильный камень и плуг для поселенца, муку, свинину и инструменты для разведчика леса – приходится доставлять вверх по реке на bateaux; и нередко при этом гибнет и груз и лодочники. Зато зимой, которая здесь

бывает долгой и морозной, главной дорогой служит лед; и артели лесорубов добираются до озера Чесункук и даже дальше, на двести миль выше Бангора. Вообразите одинокий след саней на снегу, то между стенами вечнозеленого леса, то на широком просторе замерзших озер.

Вскоре мы вошли в тихие воды озера Куейкиш и пересекли его, по очереди работая веслами или шестом. Озеро это невелико, имеет неправильную форму, но красиво, со всех сторон окружено лесом, и единственный след человека – это низенький бон, оставленный где-нибудь в затоне до следующей весны. Кедры и ели, растущие по берегам, оплетены серым лишайником и издали кажутся призраками деревьев. Кое-где плавали дикие утки; одинокая гагара, точно ожившая волна, – кусочек жизни на поверхности озера – хохотала и резвилась, показывая, нам на забаву, свою стройную ногу. На северо-западе показалась гора Джо Мерри, которая словно загляделась в озеро; и тут же мы впервые, хоть не целиком, увидели и Ктаадн; его вершина была окутана облаками – темный перешеек, соединявший землю с небесами. Продолав две мили по гладкой воде озера, мы снова вошли в реку; тут на целую милю, до самой плотины, были сплошные пороги, и чтобы идти на шестах вверх по ним, требовалась вся сила и все умение наших лодочников.

Для этой местности, в летнее время недоступной ни скоту, ни лошадям, плотина является очень важным и дорогостоящим сооружением; уровень воды в реке она поднимает на десять футов и заливает, как говорят, около шестидесяти квадратных миль, благодаря многочисленным озерам, соединенным с рекой. Это – прочное и внушительное строение; немного выше помещены наклонные устои из бревенчатых рам, наполненных камнями, чтобы разбивать лед. [23] Здесь каждое бревно платит пошлину, проходя через шлюзы.

Мы без церемоний явились в лагерь лесорубов, подобный уже описанному; повар, в тот момент единственный его хозяин, тотчас принялся готовить для гостей чай. Его очаг, который под дождем превратился в лужу, вскоре вновь запылал, и мы сели обсушиться на окружавшие его бревенчатые скамьи. Позади нас, на застрехах, устланных увядшими листьями туи, лежал листок из Библии – чья-то ветхозаветная генеалогия; наполовину погребенное под ветками, лежало Обращение Эмерсона по поводу освобождения рабов в Вест-Индии, которое было оставлено здесь кем-то из нас и, как мне сказали, доставило партии Свободы двух новых приверженцев; был также номер «Вестминстер Ревью» [24] за 1834 год и памфлет под названием «История Сооружения Памятника на могиле Майрона Холли». Таков был круг чтения в лагере лесорубов среди лесов Мэна, в тридцати милях от дороги, где через две недели будут хозяйничать медведи. Все это было зачитано и порядком замусолено. Возглавлял артель некий Джон Моррисон, типичный янки; составляли ее, по необходимости, не специалисты по постройке плотин, а мастера на все руки, ловкие с топором и другими простыми орудиями, свои люди и в лесу, и на воде. Даже здесь были на ужин горячие лепешки, белые как снег, правда, без масла; была и неизменная сладкая сдоба, которой мы наполнили карманы, предвидя, что встретимся с нею не скоро. Эти нежные пончики казались весьма неподходящей едой для лесорубов. Был и чай, без молока, подслащенный патокой. А затем, перекинувшись несколькими словами с Джоном Моррисоном и его людьми, мы вернулись на берег и, снова обменяв наш bateau на еще лучший, поспешили в путь, пока было светло. Этот лагерь, находящийся в двадцати девяти милях от Стрелки Маттаванкеаг, если идти до него так, как шли мы, и примерно в ста милях

от Бангора, если по реке, был последним жильем в этом краю. Дальше не было даже тропы, и можно было только плыть по реке и озерам в bateau или каноэ. Мы были теперь милях в тридцати от Ктаадна, который уже виднелся; а если по прямой, то не более чем в двадцати.

Было полнолуние, вечер был теплый и приятный, и мы решили грести при луне все пять миль до входа в озеро Северный Близнец, так как утром мог подняться ветер. Пройдя затем милю по реке, или, как говорят лодочники, по «проезжей дороге» – ибо река становится в конце концов только коридором от озера к озеру, – и небольшой порог, почти незаметный благодаря Плотине, мы на закате вошли в озеро Северный Близнец и пересекли его, направляясь к следующей «проезжей дороге». Это величавое озеро именно таково, каким должно быть «озеро в лесах», в девственном краю. Мы не увидели ни одного дымка из хижины или лагеря; ни один любитель природы или задумавшийся путник не смотрел на нас с отдаленных холмов; не было даже охотника-индейца, ибо он редко туда взбирается и подобно нам держится у реки. Никто не приветствовал нас, кроме причудливых ветвей свободных и счастливых вечнозеленых деревьев, качавшихся одно над другим в древнем своем дому. Правда, в первый миг показалось, что пышные алые облака висят над западным берегом словно над городом, отчего озеро приняло даже какой-то цивилизованный вид, как бы ожидая на свои берега ремесла и торговлю, города и загородные виллы. Мы различали протоку, ведущую в озеро Южный Близнец, которое, говорят, еще больше; берег был голубым и туманным; через этот узкий коридор удивительный открывался вид на противоположный берег невидимого озера, еще более туманный и дальний. Берега плавно переходили в низкие холмы, поросшие лесом; хотя белая сосна, как наиболее ценное дерево, уже вырублена даже здесь, путешественник об этом не догадается. Создается впечатление – да так оно и есть, – что находишься на высоком плоскогорье между Штатами и Канадой, где с северного края стекают реки Сент-Джон и Шодьер, а с южного – Пенобскот и Кеннебек. Здесь нет, как можно было бы ожидать, крутого, гористого берега; лишь отдельные холмы и горы подымались тут и там над плато. Озер здесь целый архипелаг – это Озерный край Новой Англии. Их уровни различаются всего на несколько футов, и лодочники через короткие волокна, а то и прямо переходят из озера в озеро. Говорят, что при высокой воде реки Пенобскот и Кеннебек сливаются; во всяком случае, можно лечь лицом в одну из них, а пальцами ног в другую. Даже Пенобскот и Сент-Джон соединены каналом, так что лес с Аллегаша сплавляется не по реке Сент-Джон, а по Пенобскоту; и индейское предание, утверждающее, будто Пенобскот ради удобства людей некогда тек в обе стороны, в наши дни отчасти подтверждается.

Никто из нас, кроме Мак-Кослина, прежде не бывал выше этого озера, ему мы и поручили вести нас; и пришлось признать всю важность роли лоцмана в этих водах. Когда плывешь по реке, трудно забыть, в какую сторону она течет; но когдаходишь в озеро, река полностью в нем теряется, и напрасно вглядываешься в отдаленные берега, чтобы определить, где ее устье. Новичок здесь растеряется, во всяком случае вначале; он должен будет прежде всего пуститься на поиски реки. А следовать всем изгибам берега, когда озеро имеет более десяти миль в длину и столь неправильную форму, что его еще долго не нанесут на карту, – дело утомительное; на него уйдет много времени и большая часть запаса провизии. Рассказывают, что артель опытных лесорубов, которую послали здесь обосноваться, заблудилась на озерах. Они продирались сквозь чащи, неся на руках поклажу и лодки от озера к озеру, иногда по нескольку миль. Потом они попали в озеро Миллинокет, которое

лежит на другой реке, имеет размер в десять квадратных миль и сотню островов. Они обследовали его берега, перешли в другое озеро, в третье и только через неделю, полную трудов и тревог, снова вышли на Пенобскот; но провизия у них кончилась, и им пришлось вернуться.

Дядя Джордж правил к островку у входа в озеро, казавшемуся пока лишь пятнышком на поверхности воды, а мы по очереди гребли, распевая все песни гребцов, какие помнили. В лунном свете расстояние до берега было неразличимо. Иногда мы переставали петь и грести, прислушиваясь, не воют ли волки, ибо здесь их песня слышится часто и, по словам моих спутников, звучит необычайно жутко; но на этот раз мы ничего не услышали. Не услышали, хотя и слушали, имея основания чего-то ждать; и только какой-то неотесанный и горластый сыч громко и уныло ухал в мрачной лесной глуши, явно не тяготясь одиночеством и не пугаясь отзвуков своего голоса. Мы подумали, что из своих убежищ нас наблюдают лоси; что наше пение пугает угрюмого медведя или робкого карибу. И мы с воодушевлением грянули песню канадских речников:

“ Гребите ребята, гребите дружной, Пороги все ближе, а небо темней.

Это весьма точно описывало наше собственное предприятие и наш образ жизни, ибо пороги постоянно были близко, а небо давно потемнело; лес на берегу виднелся смутно, и немало вод Утавы вливалось в озеро.

“ Нам незачем парус сейчас подымать. Пред нами недвижная водная гладь,
Но с берега ветру лишь стоит задуть, Мы веслам усталым дадим отдохнуть.
Воды Утавы! За лунным лучом Скоро и мы сюда приплывем.

Наконец мы проплыли мимо «зеленого острова», который был нашей вехой; и все подхватили припев; казалось, будто вереница рек и озер ведет нас на бескрайние просторы земли, навстречу приключениям, какие невозможно и вообразить.

“ Остров зеленый! Молитве внемли, Ветер попутный нам ниспошли.

Часов в девять мы достигли реки, ввели лодку в естественную гавань между двух утесов и вытащили ее на песок. Это место для стоянки было известно Мак-Кослину, когда он работал лесорубом, и он безошибочно нашел его при луне; мы услышали журчание ручья, впадавшего в озеро и сулившего нам свежую воду. Первой нашей заботой было развести огонь, с чем мы задержались, ибо сильный дождь, прошедший днем, вымочил и землю и хворост. Зимой и летом в лагере всего нужнее костер; вот он и горит там в любое время. Он не только обогревает и сушит, но и веселит. Это лучшая сторона лагерной жизни. Мы разбрелись в поисках хвороста и сучьев, а дядя Джордж срубил ближайšie буки и березы; скоро у нас был костер в десять футов длиною, в три-четыре фута высоту, который быстро высушил песок. Гореть ему надлежало всю ночь. Затем мы поставили нашу палатку; для этого наклонно воткнули в землю два шеста, в десяти футах один от другого, натянули на них холст и привязали его; спереди все оставалось открытым, так что это был скорее навес,

чем палатка. Но в тот вечер искры от костра прожгли его. Пришлось спешно подтащить лодку поближе к костру, подперев один ее борт, поднять ее на высоту в три-четыре фута, а холст расстелить на земле; натянув на себя какую-то часть одеяла, сколько хватало, каждый улегся, спрятав голову и тело под лодку, а ноги вытянув к огню. Мы долго не спали, беседуя о нашем походе; так как в наших позах очень удобно было смотреть в небо и луна и звезды сияли прямо нам в глаза, разговор сам собою перешел на астрономию, и мы перебрали самые интересные открытия, какие сделала эта наука. Наконец мы все же решили спать. Когда в полночь я проснулся, было забавно наблюдать причудливые и воинственные позы и движения одного из нас, который не мог заснуть и тихонько встал, чтобы подбросить топлива в огонь; он то тащил из темноты сухое дерево и водружал его на костер, то ворошил головешки, то отходил поглядеть на звезды; лежавшие наблюдали за ним, затаив дыхание, ибо каждый думал, что сосед крепко спит. Я тоже поднялся и подбросил хвороста в костер, а потом прошелся по песчаному берегу, освещенному луной, надеясь встретить лося, вышедшего к воде, или, может быть, волка. Журчанье ручья слышалось громче, чем днем, и было для меня словно чьим-то живым присутствием; стеклянная гладь спящего озера, омывающего берега первозданного мира, и фантастические очертания темных скал, подымавшихся тут и там над поверхностью воды, – все это трудно описать. И я не скоро забуду впечатление от этой суровой и вместе с тем благостной природы. Около полуночи нас разбудил дождь, поливавший наши нижние конечности; каждый, ощутив холод и сырость, выпускал глубокий вздох и поджимал ноги, пока все мы, вначале лежавшие под прямым углом к лодке, не оказались под острым углом к ней и были целиком укрыты. В следующий раз мы проснулись, когда луна и звезды снова светили, а на востоке занималась заря. Все эти подробности я привожу для того, чтобы дать представление о ночи в лесу.

Мы быстро спустили и нагрузили лодку, оставили горящий костер и снова отправились в путь, даже не позавтракав. Лесорубы редко дают себе труд погасить свой костер, ибо в девственном лесу очень сыро; вот одна из причин частых пожаров в штате Мэн, о которых мы много слышим, когда в Массачусетсе виден дым. После того как вырубили белую сосну, лесом не дорожат; разведчики леса и охотники молятся о дожде только для того, чтобы он очистил воздух от дыма. Но в тот день было так сыро, что от нашего костра можно было не опасаться пожара. Мы прошли на шестах полмили по реке и еще милю на веслах, пересекая озеро Памадумкук; на карте такое название носит целая вереница озер; их считают за одно, хотя каждое отделено от следующего отрезком узкой порожистой реки. Первое озеро, одно из самых больших, тянется на десяток миль к северо-западу, к дальним холмам и горам. Мак-Кослин указал в том направлении на еще недоступный нам горный склон, поросший белой сосной. Озера Джо Мерри, лежавшие к западу, между нами и Лосиной Головой, были еще недавно, но едва ли до сих пор, «окружены лучшими во всем штате лесами». Следующий отрезок реки привел нас в бухту Глубокая на том же озере; это составило две мили к северо-востоку, а пройдя на веслах еще две поперек озера, мы по другому короткому отрезку реки вошли в озеро Амбеджиджис.

Входя в какое-либо из озер, мы иногда видели нетесанные бревна, из которых составляют плавучие боны, – либо в воде, связанными по нескольку штук, либо на берегу, привязанными к деревьям в ожидании весеннего сплава. Эти явные следы цивилизации всякий раз поражали. Помню, с каким странным волнением я увидел на обратном пути на безлюдном

озере Амбеджиджис крепко ввинченное в скалу железное кольцо, укрепленное свинцом.

Было видно, что лесосплав – работа живая, но трудная и опасная. Всю зиму лесоруб громоздит обрубленные им стволы где-нибудь в сухой лощине, в верховье потока, а весной стоит на берегу, поджидая Дождь и Оттепель, и готов ради того, чтобы добавить воды, выжимать пот из собственной рубашки; вот он гикнул, зажмурился, словно прощаясь с существующим порядком вещей, и главная доля его зимних трудов понеслась вниз по реке, а за нею его верные псы, вся свора – Оттепель и Дождь, Паводок и Ветер, – мчатся к лесопилкам Ороно. Каждое бревно помечено знаком его владельца, вырубленным топором или высверленным с помощью сверла достаточно глубоко, чтобы не стерся в пути, но так, чтобы не повредить древесину; когда владельцев так много, нужна немалая изобретательность, чтобы придумывать все новые и притом простые метки. Изобретен особый алфавит, понятный только опытным людям. Один из моих спутников показал в своей записной книжке метки, какие ставят на его бревна; среди них были кресты, полоски, птичьи лапы, кружки и др. Например: «Y – полоска – птичья лапа» и разные другие знаки. После того как бревна, каждое само по себе, пройдут испытание бесчисленными порогами и водопадами, получат больше или меньше повреждений в заторах, причем бревна с различными метками будут смешаны – ибо отправлены с одним и тем же паводком, – их собирают у входа в озера и окружают плавучим боном, также из бревен, чтобы их не раскидало ветром, а потом гонят, точно стадо овец, через озеро, где уже нет течения; это делается с помощью лебедек, какие мы иногда видим на острове или на мысу; а когда возможно, то с помощью паруса и весел. И все же ветер или паводок может иногда разметать бревна на много миль по озеру или выбросить их на отдаленный берег; сплавщик собирает их и водворяет на место по одному или по два; пока он сумеет провести свое стадо по озерам Амбеджиджис или Памадумкук, ему достанется немало неудобных ночевков на сыром берегу. Он должен уметь править бревном, точно это каноэ; к холоду и дождю он так же привычен, как мускусная крыса. Он пользуется несколькими удобными орудиями – вагой в шесть-семь футов длиною, сделанной обычно из горного клена, с прочным шипом, и длинным шестом, также с шипом на конце, для прочности привинченным. Мальчишки, живущие на здешних берегах, умеют ходить по пlyingим бревнам, как городские – по тротуару. Иной раз бревна оказываются на камнях в таком положении, что снять их оттуда может только следующий, столь же сильный, паводок; или они образуют у порогов и водопадов громадные завалы, которые сплавщик должен раскидать с риском для жизни. Такова работа на сплаве, зависящая от многих случайностей; осенью нужен достаточно ранний ледостав на реках, чтобы лесорубы вовремя по ним поднялись; весной – достаточно сильный паводок, чтобы сплавить бревна вниз по течению, и тому подобное. [25] Приведу слова Мишо, [26] который писал о сплаве на Кеннебеке, откуда шла в то время в Англию лучшая белая сосна: «На этом промысле обычно работают эмигранты из Нью-Хэмпшира... Летом они объединяются в небольшие артели и обследуют обширные лесные массивы в поисках мест, где сосны растут в изобилии. Накосив травы и заготовив сена для животных, которым предстоит помогать им в труде, они возвращаются домой. В начале зимы они вновь отправляются в лес и селятся в хижинах, крытых корой березы или туи, и хотя ртуть термометров целыми неделями стоит на 40°—50° ниже нуля (по Фаренгейту), они мужественно и упорно занимаются своим трудом». Как пишет Спрингер, такая артель состоит из рубщиков, дорожных рабочих, окорщиков, грузчиков, возчика и повара. «Повалив деревья, они распиливают их на бревна длиной от четырнадцати до восемнадцати футов и с

помощью тягловых животных, которыми управляют с большим умением, доставляют к реке, ставят на них метки их владельцев и скатывают на замерзшую поверхность реки. Когда весной лед взламывается, бревна уплывают по течению...». «Если бревна не сплывили в первый год, – добавляет Мишо, – их поражает крупный червяк, который всюду проедает в них отверстия около полудюйма в диаметре; но если их ошкурить, они сохранятся нетронутыми хоть тридцать лет».

В то тихое воскресное утро Амбеджиджис показалось мне красивейшим из всех виденных нами озер. Говорят, что это одно из самых глубоких. С него нам открылся великолепный вид на Джо Мерри, на Двухверхую и на Ктаадн. У последнего удивительно плоская вершина, целое плоскогорье, куда можно высадить с небес небожителя, чтобы прогулялся и переварил свой обед. Мы прошли на веслах полторы мили ко входу в озеро, пробились через заросли водяных лилий и причалили к некой скале, знакомой Мак-Кослину, чтобы приготовить завтрак. Он состоял из чая, сухарей, свинины, а также жареной лососины, которую мы ели вилками, аккуратно выстроганными из сучьев росшей там ольхи; тарелками служила березовая кора. Чай был черный, не забеленный молоком и не подслащенный сахаром; пили его из оловянных черпаков. Этот напиток так же необходим лесорубу, как и каждой старой кумушке, и несомненно служит им большим утешением. Мак-Кослин помнил, что тут был лагерь лесорубов, заросший теперь сорняками и кустарником. В этих густых зарослях мы заметили на большом камне посреди ручейка кирпич – чистый, красный, квадратный, словно только что сделанный; его несли в такую даль, чтобы что-то им забивать. После мы пожалели, зачем не взяли его на вершину, чтобы оставить в качестве нашей метки. Он был бы явным свидетельством присутствия цивилизованного человека. Мак-Кослин сказал, что в этой глуши кое-где уцелели большие дубовые кресты; их ставили первые католические миссионеры, шедшие к Кеннебеку.

На последние девять миль нашего пути ушла остальная часть дня; мы прошли на веслах несколько малых озер, на шестах – немало порогов и отрезков реки и одолели четыре волока. Для будущих туристов я приведу названия и расстояния. Сперва, выйдя из озера Амбеджиджис, мы прошли четверть мили порогов и волок в тысячу четыреста с лишним футов, в обход водопада Амбеджиджис; затем – полторы мили по озеру Пассамагамет, узкому, точно речка, к одноименному водопаду, оставив справа реку Амбеджиджис; потом две мили по озеру Катепсконеган до волока в тысячу четыреста с лишние футов в обход водопада Катепсконеган, что означает «место, где несут». Река Пассамагамет осталась у нас слева. Далее – три мили по озеру Поквокомус, которое является лишь небольшим расширением реки, до волока в шестьсот сорок футов в обход одноименного водопада. При этом река Катепсконеган осталась у нас слева. Далее – три четверти мили по озеру Аболджкармегус, похожему на предыдущее, до волока в шестьсот сорок футов в обход одноименного водопада; и наконец – полмили быстрого течения до стоячих вод Соваднехунк и реки Аболджекнагезик.

Вот какова последовательность названий, когда вы плывете вверх по реке: сперва озеро, а если не озеро, то заводь; затем водопад; дальше река, впадающая в упомянутое озеро или заводь, и все они носят одно и то же название. Мы попали сперва в озеро Пассамагамет, затем к водопаду Пассамагамет, а далее к реке Пассамагамет, которая туда втекает. Такой порядок в названиях, как увидим, вполне обоснован, ибо заводь или озеро всегда, хотя бы

частично, образованы втекающей туда рекой, а водопад, вытекающий из этого озера, то есть место, где река-приток совершает свой первый прыжок вниз, естественно носит то же название.

На волоке вокруг водопада Амбеджиджис я заметил на берегу бочку из-под свинины, укрепленную на скале; в ней было вырезано отверстие в восемь-девять квадратных дюймов; а медведи, не повернув и не опрокинув бочки, прогрызли в другом ее боку дыру, достаточную, чтобы просунуть туда голову. На дне бочки оставалось несколько неаппетитных ошметков свинины. Лесорубы обычно оставляют припасы, которые им неудобно нести с собой, на волоках или в лагерях; идущие вслед за ними, не церемонясь, этим пользуются, ибо припасы считаются общей собственностью артели, которая может позволить себе такую щедрость.

Я подробно опишу, как мы преодолели некоторые из волоков и порогов, чтобы читатель мог представить себе жизнь речника. Так, например, у водопада Амбеджиджис в лесу проложена тропа, неудобнее которой трудно вообразить: в гору, под углом почти в сорок пять градусов, по бесчисленным камням и бревнам. Вот как мы шли этим волоком. Сперва перенесли вещи и оставили их на берегу в конце волока; потом вернулись к *bateau* и тащили его в гору, ухватив за бакштов, половину пути. Но это неудачный способ, при котором недолго и загубить лодку. Обычно *bateau* весом в пять-шесть сотен фунтов переносится тремя людьми на голове и плечах; самый рослый становится под средней частью опрокинутой лодки, а двое других несут ее концы; или же эти двое несут носовую часть лодки. Более чем троим за нее неудобно взяться. Это требует навыка, а также силы, очень утомляет и изнуряет человека. Мы были в общем маломощной командой и не много могли помочь нашим двум лодочникам. Наконец они взвалили лодку на плечи; двое из нас поддерживали ее, чтобы не качалась и не натирала им плечи; для этого подложили также сложенные шляпы. С двумя-тремя остановками они мужественно прошли вторую половину пути. Так они делали и на других волоках. Под огромной тяжестью им приходилось перелезть через упавшие стволы деревьев и скользкие камни всех размеров, и они то и дело сталкивали нас, шагавших сбоку, – так узка была тропа. Хорошо еще, что мы не должны были первыми прорубать путь. Прежде чем снова спустить нашу лодку на воду, мы гладко отскоблили ножами ее днище там, где оно терлось о камни, чтобы уменьшить трение.

Чтобы избежать трудных волоков, наши лодочники решили «верповаться» через водопад Пассамагамет. Пока остальные, шли с вещами через волок, я остался в лодке, чтобы помогать. Скоро мы оказались среди порогов более быстрых и бурных, чем все, какие мы прошли на шестах. Для «верпования» мы свернули с быстрины. Но тут лодочники, гордившиеся своей искусностью, захотели совершить нечто необычайное, как видно специально для меня; один из них еще раз окинул взглядом пороги, более похожие на водопад, и на наш вопрос, пройдем ли мы тут, второй ответил, что, пожалуй, попробует. Мы снова вышли на середину реки и стали бороться с течением. Я для равновесия сидел в средней части лодки и слегка наклонялся вправо или влево, когда ей грозило задеть за скалу. Неуверенным и виляющим движением лодка шла вверх по реке, пока ее нос не задрался на два фута выше кормы; и тут, когда все зависело от усилий носового гребца, шест у него сломался пополам; однако, прежде чем я успел передать ему запасной, он

оттолкнулся от скалы обломком шеста, и мы чудом проскочили. Дядя Джордж воскликнул, что подобное никогда прежде не удавалось и что он даже не рискнул бы, если бы не знал, кто у него на носу лодки, а тот – если бы не знал, кто на корме. В этом месте был расчищен в лесу постоянный волок, и наши лодочники не слышали, чтобы здесь проходили на лодке. Насколько я помню, в этом самом скверном месте на всей реке Пенобскот вода падает отвесно не меньше чем на два-три фута. Я не мог надивиться ловкости и хладнокровию, с какими они все это проделали, не обменявшись ни словом. Носовой гребец, не оглядываясь назад, но в точности зная, что делает другой, действует так, словно он один. То он на глубине в пятнадцать футов не достает шестом дна и лишь благодаря величайшему напряжению и искусству удерживает лодку в равновесии; то, пока кормовой гребец с упрямством черепахи держится на своем посту, прыгает с борта на борт, проявляя чудеса ловкости, во все глаза следя за порогами и камнями; то, обретя наконец точку опоры, мощным толчком, от которого дрожит и сгибается шест и сотрясается лодка, он захватывает у реки несколько футов. Еще одна опасность подстерегает лодочников – шест может в любой момент застрять в камнях и будет с силой выдернут из их рук, отдавая их во власть порогов. А камни, словно аллигаторы, подстерегают вас, чтобы поймать зубами шест и вырвать его из ваших рук, прежде чем вы увернетесь от их пасти. Шест должен упираться в дно как можно ближе к лодке, а нос лодки – устремляться вперед, обходя скалы перед самым порогом. Только длина, легкость и малая осадка bateau позволяют ему продвигаться. Носовому гребцу надо быстро делать свой выбор; раздумывать некогда. Нередко лодка протискивается между скалами, касаясь их обоими бортами, а вода вокруг нее кипит, как в котле.

Немного выше двое из нас попробовали поработать шестами на совсем малом пороге; и уже почти справились с задачей, когда какой-то злосчастный камень, преградив путь, спутал наши расчеты; лодка беспомощно завертелась в водовороте, и пришлось отдать шесты в более умелые руки.

Катепсконеган является одним из самых мелководных озер; оно заросло водорослями и, по-видимому, изобилует щуками. Водопад того же названия, у которого мы остановились пообедать, довольно велик и очень живописен. Здесь дядя Джордж когда-то видел, как форель вылавливают целыми бочонками; но наша наживка ее не соблазнила. На полпути по здешнему волоку, здесь, среди лесов Мэна, переходящих в леса Канады, мы увидели яркий и большой, фута в два длиной, рекламный щит фирмы Оук-Холл; он был наклеен смолой на ствол сосны, с которой содрали кору. Таковы преимущества подобной рекламы, что даже медведи и волки, лоси и олени, выдры и бобры, не говоря об индейцах, могут узнать, где одеться по последней моде или хотя бы вернуть себе часть содранных с них шкур. И мы окрестили волок Оук-Холлом.

Утро на этой дикой лесной реке было таким же ясным и безмятежным, как обычно бывает воскресное летнее утро в Массачусетсе. Иногда тишину нарушал клекот орла, перелетавшего реку перед нашей лодкой; или голоса ястребов, с которых он собирает дань. По берегам встречались небольшие луга, где колыхалась некошенная трава, привлекавшая внимание наших лодочников, которые жалели, зачем они не ближе к дому, и считали, сколько стогов можно тут накосить. Бывает, что два-три человека отправляются летом на эти луга косить траву, чтобы зимой продать ее лесосплавщикам, ибо на месте она стоит

дороже, чем на любом рынке штата. На островке, поросшем такой травой, куда мы причалили посоветоваться насчет дальнейшего пути, мы заметили свежий след лося. Это было большое, почти круглое углубление в мягкой и сырой почве, указывающее на большие размеры и вес животного. Эти животные любят воду и посещают такие островные луга, переплывая с одного на другой столь же легко, как пробираются сквозь чащу. Время от времени нам встречался «покелоган» – так индейцы называют узкие протоки, которые никуда не ведут. Если вы туда вошли, все, что вам остается, – это вернуться обратно. Такие тупики, а также многочисленные «петли», выводящие снова в то же русло реки, могут совершенно запутать неопытного путешественника.

Волок, по которому обходят водопад Поквокомус, оказался на редкость неудобным и каменистым; лодку пришлось поднимать из воды на четыре-пять футов, потом спускать с такой же крутизны. Скалы здесь испещрены углублениями от подкованных шипами сапогов лесорубов, сгибавшихся под тяжестью своих bateaux; а камни, куда они ставили лодки, когда отдыхали, отполированы трением. Мы прошли только половину этого волока, спустили лодку на спокойную воду на повороте к водопаду и приготовились к борьбе с самым трудным порогом, какой нам до тех пор встречался. Остальные наши спутники пошли дальше по волоку, а я остался помогать лодочникам в «верповании». Один из нас должен был держать лодку, пока другие в нее садились, чтобы ее не понесло к водопаду. Когда мы, держась у самого берега, прошли вверх сколько было возможно, Том схватил конец бакштова и выпрыгнул на камень, едва видневшийся над водой; несмотря на подкованные шипами сапоги, он поскользнулся и упал в воду, на редкость удачно выбрался на другой камень, передал бакштов мне и вернулся на свое место на носу лодки. Прыгая с камня на камень в мелкой воде вблизи берега и иногда зацепляя канат за какой-нибудь из них, стоявший вертикально, я удерживал лодку, пока один из нас поправлял свой шест. Потом все трое заставили лодку подыматься по порогам. Это и есть «верпование». Когда в таких местах часть путников шла пешком, мы поручали им наиболее ценную часть багажа, ибо лодку могло и залить.

Когда мы шли на шестах вверх по порогам, намного выше водопада Аболджакармегус, один из путников увидел свои метки на больших бревнах, лежавших высоко на берегу, вероятно, после завала, образовавшегося тут весной, во время Большого Паводка. Многим из этих бревен предстояло, если до того не сгниют, дожидаться следующего Большого Паводка; иначе их оттуда не снять. Странно было человеку встретить свою собственность, никогда им не виденную и там, где он никогда не бывал, задержанную на пути к нему скалами и паводком. Думается, что и моя собственность вся выброшена на камни где-то на дальнем, неведомом берегу в ожидании некоего неслыханного паводка, который ее оттуда снимет. Спешите же, о боги, ниспослать ветры и дожди, чтобы они раскидали этот завал, прежде чем он сгниет!

Еще полмили, – и мы достигли стоячих вод Соваднехунк на одноименной реке. Слово это означает «текущий между гор», а река – немаловажный приток нашей – впадает туда примерно на милю выше. Здесь, милях в двадцати от Плотины, в устье горных потоков Мэрч-Брук и Аболджекнагезик, текущих с Ктаадна, милях в двенадцати от его вершины, мы и решили остановиться, пройдя в тот день пятнадцать миль.

Мак-Кослин сказал нам, что здесь много форели; и пока одни готовили стоянку, остальные пошли рыбачить. Взяв березовые шесты, оставленные индейцами или белыми охотниками, и наживив крючки свининой и первой пойманной форелью, мы закинули наши удочки в Аболджекнагезик – чистый и быстрый, хотя и неглубокий ручей, стекающий с Ктаадна. На нашу наживку тотчас кинулась стайка карпов (*Leueisci pulchelli*), серебристой плотвы – больших и малых родичей форели; одна за другой рыбы оказывались на берегу. Скоро появилась и их родственница – настоящая форель; эти пестрые рыбы, как и серебристые плотвички, наперебой глотали нашу наживку, едва мы успевали закидывать удочки; лучшие экземпляры тех и других, когда-либо виденные мной, весом до трех фунтов, оказались на берегу, но мы стояли в лодке, а рыбы, извиваясь, снова соскальзывали в воду; однако скоро мы сообразили, как поправить дело; один из рыболовов, потерявший свой крючок, вышел на берег и стал, расставив руки, собирать сыпавшуюся вокруг него рыбу; иногда мокрые и скользкие рыбы шлепались ему прямо на лицо и на грудь. Пока они были живые и краски их не поблекли, они казались прекрасными цветами, расцветшими в первозданных реках; стоя над ними, он едва мог верить, что подобные драгоценности столько долгих темных столетий плавали в водах Аболджекнагезик – речные цветы, видимые одним лишь индейцам и ради того, чтобы там плавать, созданные, бог весть зачем, столь прекрасными! Это помогло мне лучше понять истинность мифологии, мифы о Протее [27] и о всех прекрасных морских чудищах, понять, что вся история в применении к делам земным – это всего лишь история; но в применении к делам небесным это всегда мифология.

Но вот слышится грубоватый голос дяди Джорджа, который распоряжается сковородой и требует подать ему все, что уже наловлено, а там ловите хоть до утра. Свинина шкварчит и требует, чтобы жарилась рыба. К счастью для глупого форельевого рода, особенно для его нынешнего поколения, спускается ночь, еще более темная от нависшей над нами вечной тени Ктаадна. В 1609 году Лескарбо писал, что «*Sieur Шандоре с одним из людей Sieur де Мона, поднявшись в 1608 году на пятьдесят лье по горе Сент-Джон, обнаружил такое обилие рыбы, „qu'en mettant la chaudière sur le feu ils en avoient pris suffisamment pour eux disner, avant que l'eau fust chaude“.*» [28] Потомки той рыбы столь же многочисленны. Затем мы с Томом пошли в лес нарубить кедровых веток для постели. Он шел впереди с топором и срубал мелкие ветки плосколистного кедра или садовой туи, а мы подбирали их и носили к лодке, пока не нагрузили ее. Свою постель мы стлали так же тщательно, как кроют дранкой крышу; начинали с изножья, клали ветки толстым концом кверху, продвигались к изголовью и постепенно закрывали эти толстые концы, так что постель получалась мягкой и ровной. Постель на шестерых имела девять футов в длину и шесть в ширину. На этот раз над нами был навес, который мы тянули более осмотрительно, памятуя о ветре и костре; как обычно, мы развели большой огонь. Ужин мы ели на большом бревне, когда-то принесенном паводком. На этот раз мы пили чай, настоящий на хвое кедра или туи, который лесорубы иногда пьют за неимением другого:

“ Заварим тую крепко, И сил нам враз прибудет.

Однако повторить этот опыт я бы не хотел. Вкус у этого чая, по-моему, слишком уж лекарственный. Еще был там скелет лося, обглоданный индейскими охотниками.

Ночью мне приснилось, будто я ловлю форель, а когда я проснулся, мне не верилось, что эта пестрая рыба плавает так близко от моей постели и в тот вечер шла к нам на крючки; я подумал, уж не приснилась ли мне вечерняя ловля. Чтобы проверить это, я поднялся затемно, пока мои спутники еще спали. Ктаадн, не скрытый облаками, ясно виднелся в лунном свете; тишину нарушало только журчанье воды вокруг порогов. Стоя на берегу ручья, я еще раз закинул удочку и убедился, что сон был явью, а миф – истинной правдой. Пестрая форель и серебристая плотва мелькали в лунных лучах точно летающие рыбы, описывая блестящие дуги на темном фоне Ктаадна; когда лунный свет перешел в утренний, я досыта наслаждался ловлей, как и мои спутники, которые вскоре ко мне присоединились.

К шести часам мы уложили котомки; увязали очищенную форель в одеяло; вещи и провизию, которую не хотели брать с собой, подвесили на молодые деревья, чтобы они не достались медведям, и направились к вершине горы, до которой, по словам дяди Джорджа, оставалось около четырех миль, а по-моему – и так оно оказалось на деле, – все четырнадцать. Дяде Джорджу не приходилось подыматься ближе к вершине, и теперь ни один человеческий след не указывал нам путь. Пройдя несколько десятков шагов вверх по течению Аболджекнагезик, то есть «реке, текущей по открытому месту», мы привязали лодку к дереву и пошли северной стороной, по горелым участкам, частью уже заросшим молодым осинником и кустами; но скоро, снова перейдя поток там, где он не шире пятидесяти – шестидесяти футов, по нагромождению бревен и камней – это можно сделать почти всюду, – мы направились к самой высокой из вершин Ктаадна и более мили шли очень пологим подъемом по сравнительно открытой местности. Здесь возглавить шествие пришлось мне, как самому опытному горвосходителю. Оглядев лесистый склон горы длиной в семь-восемь миль, который все еще казался очень далеким, мы решили идти прямо к подножию самой высокой вершины; слева от нас оставался оползень, по которому, как я узнал позже, поднимались наши предшественники. Мы пошли параллельно прорезавшему лес темному следу, который был руслом потока, потом через небольшой каменистый отрог, тянувшийся к югу от основной горы; с его вершины мы могли обозреть окрестность и взобраться на вершину, оттуда совсем близкую. С этой точки, с голого гребня на краю открытой местности, Ктаадн выглядел иначе, чем все виденные мною горы; никогда ранее не приходилось мне видеть столько обнаженного камня, круто подымавшегося над лесом; эта синеватая скала показалась нам обломком стены, некогда обозначавшей здесь край земли. Готовясь идти на северо-восток, мы наставили компас, указавший при этом на южное подножие самой высокой из вершин, и скоро углубились в лес.

Нам тут же стали встречаться следы медведей и лосей и многочисленные следы кроликов. Более или менее свежие лосиные следы покрывали каждый квадратный фут горного склона; вероятно, теперь этих животных стало там больше, чем когда-либо, ибо поселения вытесняют их все дальше в глушь. След взрослого лося похож на коровий, или даже крупнее, а след лосенка – на телячий. Иногда мы оказывались на едва заметных тропинках, проложенных ими и тоже похожих на коровьи тропы в лесу, но еще менее заметных – не столько даже тропах, сколько просветах в плотном подлеске. И всюду виднелись обглоданные ими, точно скобленные ножом, ветки. Кору они сдирают на высоту восьми-девяти футов, длинными полосами шириною в дюйм, и оставляют ясные следы зубов. Мы всякую минуту ждали встречи с целым их стадом, и наш Нимрод [29] держал свое оружие наготове; но искать их мы не старались, а они, хоть и многочисленны, так осторожны, что

неопытный охотник долго может рыскать по лесу, прежде чем увидит хотя бы одного. Встреча с ними бывает опасной; они не отступают, а яростно кидаются на охотника и убивают его копытами, если ему не удастся уворачиваться, прячась за деревья. Самые крупные бывают почти с лошадь и весят иногда до тысячи фунтов; и говорят, что они могут перешагнуть через пятифуттовую ограду. С их длинными ногами и коротким туловищем, они считаются крайне неуклюжими, на бегу выглядят нелепо, однако развивают большую скорость. Мы не могли объяснить себе, как они пробираются в этих лесах, где требовалась вся наша ловкость и гибкость, чтобы поочередно лазить, ползать и извиваться. Говорят, что свои огромные ветвистые рога длиной обычно в пять-шесть футов они закидывают на спину, а дорогу пробивают себе благодаря своему весу. Наши лодочники сказали, хоть я и не ручаюсь за достоверность этого, что, когда лоси спят, насекомые объедают у них рога. Мясо лося, напоминающее скорее говядину, чем оленину, часто продается на бангорском рынке.

До полудня мы прошли миль семь-восемь, с частыми остановками, чтобы дать отдохнуть уставшим; перешли широкий горный поток, видимо тот самый Мэрч-Брук, в устье которого мы устраивали стоянку, и все время шли лесом, не видя вершину горы и подымаясь лишь весьма незначительно; лодочники приуныли, опасаясь, что мы оставляем гору в стороне, – ибо не вполне доверяли компасу. Тогда Мак-Кослин взобрался на верхушку дерева, откуда увидел вершину горы; оказалось, что мы ничуть не отклонились от прямой линии – компас под деревом указывал туда же, куда его рука, а он указывал на вершину. На берегу прохладного горного ручья, где вода так же чиста и прозрачна, как воздух, мы остановились, чтобы зажарить часть рыбы, которую взяли с собой; сухари и свинину нам уже приходилось экономить. Скоро под сырым и темным навесом из елей и берез запылал костер; мы стали вокруг него, каждый с длинной, заостренной палкой, на которую нанизал форель или плотвичек, заранее выпотрошенных и посоленных; палки длиной в три-четыре фута расходились от костра, точно спицы колеса, и каждый старался уместить свою рыбу получше, не всегда считаясь с правами соседа. Так мы угостились, запивая еду водой из ручья, и когда снова двинулись в путь, по крайней мере один из рюкзаков весил значительно меньше.

Наконец мы вышли на место, достаточно открытое для того, чтобы увидеть вершину, которая все еще синела в отдалении, словно уходя от нас. Перед нами струился, изливаясь как бы прямо из облаков, поток, оказавшийся тем самым, который мы уже переходили. Но скоро мы потеряли этот ориентир из виду и снова очутились в лесной чаще. Больше всего тут росло желтой березы, ели, пихты, рябины, или «круглого дерева», как его называют в штате Мэн, и дирки болотной. Идти было очень трудно, иногда так же трудно, как у нас в самых густых зарослях карликового дуба. Во множестве росли кизил и купена. Черника изобилвала на всем нашем пути; в одном, месте кустики гнулись под тяжестью ягод, все еще свежих. А было это 7 сентября. Здесь есть чем угоститься и чем подбадривать уставших. Когда кто-нибудь отставал, стоило только крикнуть «Черника!», и он нас нагонял. Даже на такой высоте нам встретился, на большой плоской скале, пятачок примерно в шестьдесят квадратных футов, где лоси утаптывают зимою снег. Опасаясь, что, держа путь прямо на вершину, мы не найдем на наших стоянках воды, мы стали постепенно сворачивать к западу; в четыре часа мы снова вышли к потоку, о котором я уже говорил, и здесь, в виду вершины, решили заночевать.

Пока мои спутники выбирали подходящее место, я воспользовался остатками дневного света, чтобы одному подняться на вершину. Мы находились в глубокой и узкой лощине, подымавшейся к облакам под углом почти в сорок пять градусов и, точно стенами, огороженной скалами; у основания они поросли небольшими деревьями; выше – непролазной чащей из тощих берез и елей и мхом; еще выше – одними лишайниками. И почти всегда они окутаны облаками. Я пробирался вверх – и хочу подчеркнуть, что вверх, – подтягиваясь за корни пихт и берез, вдоль отвесно лившегося водопада высотой в двадцать – тридцать футов; иногда я делал несколько шагов по ровному месту, ступая по воде, ибо поток занимает все дно лощины и течет словно по ступеням некоей лестницы для великанов. Скоро я оказался выше деревьев и оглянулся назад. Поток имел, где пятнадцать, а где тридцать футов ширины, притоков не имел, но в ширину не уменьшался и с рокотом несся вниз по обнаженным скалам, прямо из облаков, словно над горой только что прорвало водосточную трубу. Я продолжал свой путь, едва ли менее крутой, чем был некогда путь Сатаны через Хаос, и направлялся к ближайшей, хотя и не самой высокой, вершине. Сперва я пробирался на четвереньках между верхушками черных елей (*Abies nigra*), древних, как потоп, высотой от двух до двенадцати футов; верхушки у них развесистые, иглы синеватые, схваченные заморозками, словно уже несколько столетий назад они прекратили свой рост под мрачным небом, в безжалостном холоде. Кое-где я даже прошел выпрямившись по этим верхушкам, обросшим мхом и горной клюквой. Казалось, что с течением времени они заполнили все промежутки между скалами, а холодный ветер все это разровнял. Растительности здесь приходится туго. Когда-то она, видимо, опоясывала всю гору, но лучше всего представлена именно здесь. Один раз, шагая по ней с риском провалиться, я посмотрел вниз и в десяти футах под собою увидел темный провал и росший оттуда ствол ели, имевший у основания не менее девяти дюймов в диаметре; я стоял на кроне этой ели, точно на толстом плетеном мате. А такие провалы служат берлогами медведям, и медведи были как раз дома. Вот над каким садом я шагал восьмую часть мили, рискуя, конечно, наступить на некоторые из растений, ведь по саду тропинки не было, а была самая коварная и ухабистая дорога, по какой я когда-либо ходил.

Сквозь чащу, чрез пустыни, через камни,

Бредя, шагая, ползая, взвиваясь... [30]

Однако ветки были необычайной прочности – ни одна не сломалась под моей тяжестью, и это потому, что росли они медленно. По очереди проваливаясь, выкарабкиваясь, перекатываясь, прыгая и шагая по этой каменистой дороге, я вышел на боковой склон горы, где вместо стад паслись серые, безмолвные камни, жевавшие в тот закатный час свою каменную жвачку. Они смотрели на меня жесткими серыми глазами, не издавая ни блеяния, ни мычания. Тут я подошел прямо к облаку; на том и кончилась моя вечерняя прогулка. Но я успел увидеть, как далеко внизу качает ветвями, плывет и зыбится штат Мэн.

Когда я вернулся к своим спутникам, они уже выбрали возле потока место для ночлега и отдыхали, сидя на земле; один числился больным и лежал, завернувшись в одеяло, на плоском сыром выступе скалы. Местность была угрюмая и дикая, и такая неровная, что они долго искали ровное и открытое место для палатки. Остановиться выше мы не могли, ибо там не нашлось бы сушняка для костра; впрочем, и здесь деревья казались до того сырими

и вечнозелеными, что мы готовы были усомниться, признают ли они власть огня; однако огонь победил их; он разгорелся и здесь, как подобает истинному гражданину мира. Даже на такой высоте нам часто попадались следы лосей и медведей. Кедров тут не было, и постель мы постлали из более жестких веток ели; но по крайней мере ветки были с живого дерева. Здесь было, пожалуй, даже более величавое и мрачное место для ночлега, чем было бы на вершине – под дикими деревьями, на краю потока. Всю ночь вдоль ложины неслись и шумели ветры некоей особой, высшей породы, по временам раздувая наш костер и разбрасывая горячую золу. Мы лежали словно в колыбели новорожденного урагана. В полночь один из нас, разбуженный внезапной вспышкой пламени, охватившего одну из елей, когда ее зеленые ветви подсохли от жара костра, вскочил с криком, решив, что загорелся весь мир, и разбудил остальных.

Утром, раздражив аппетит ломтиком сырой свинины, сухарем и глотком сжиженного облака, мы все вместе стали подыматься по ложу описанного мной потока, на этот раз выбрав своей целью правую, самую высокую вершину, а не ту, куда подымался я. Но скоро я оставил своих спутников позади, потерял их из виду за выступом горы, которая все еще словно убегала от меня, и один целую милю взбирался к облакам по большим и шатким камням; погода стояла ясная, однако вершина скрывалась в тумане. Гора казалась огромной россыпью камней, словно когда-то здесь выпал каменный дождь, камни остались на склонах и, еще не улежавшись, опирались друг о друга и качались, а между ними были пустоты, но почти не было почвы и мягких пород. Это был сырой материал планеты, выпавший из невидимой каменоломни; материал, который в огромной лаборатории природы превратился в приветливые зеленые долины. Это был еще неустроенный край земли, подобный лигниту, в котором мы видим каменный уголь в процессе формирования.

Наконец я вплотную подошел к облаку, которое, как видно, плывет над вершиной постоянно и не уходит, а рождается из здешнего чистого воздуха с той же скоростью, с какой уплывает. Пройдя еще четверть мили, я достиг вершины; по словам тех, кто видел ее при ясной погоде, она тянется на пять миль и представляет собой 1000 акров плоскогорья; но меня встретил враждебный строй облаков, который застилал все вокруг. Иногда ветер открывал передо мной полоску неба и солнца; иногда у него получался только серый предутренний полусвет; смотря по силе ветра, облачная гряда то подымалась, то опадала. Порой казалось, что вершина вот-вот освободится от облаков и улыбнется солнцу; но если она открывалась с одной стороны, то заволакивалась с другой. Это было все равно что сидеть в печной трубе и ждать, пока рассеется дым. Тут была, в сущности, фабрика облаков, и ветер выносил их готовыми на холодные голые скалы. Когда облачный столб разрывался, я видел то справа, то слева темный и сырой утес; но между ним и мною непрерывно полз туман. Это напомнило мне сотворение мира, описанное древними эпосами и драмой: Атласа, Вулкана, Циклопов и Прометея. Таков был Кавказ и скала, где приковали Прометея. [31] Эсхил, несомненно, посетил подобные места. Они величавы, титаничны и для человека навсегда необитаемы. Какая-то часть человека, и даже важная, видимо, уходит сквозь неплотную решетку его ребер, когда он сюда подымается. Тут он более одинок, чем можно вообразить. Тут у него меньше здравых мыслей и понятий, чем в долинах. Мысли его рассеянны и туманны, разрежены, как здешний воздух. исполинская, бесчеловечная Природа ставит его здесь в невыгодное положение, настигает каждого поодиночке и лишает части его божественной сущности. Здесь она не улыбается ему, как в долинах. Она

словно вопрошает сурово: зачем ты пришел сюда прежде времени? Не для тебя приготовлены эти места. Не довольно ли, что я улыбаюсь тебе в долинах? Не для твоих ног создала я эту почву, не для твоего дыхания – этот воздух, не в соседи тебе – эти утесы. Здесь я не могу жалеть и лелеять тебя и беспощадно буду гнать туда, где я добра. Зачем искать меня там, куда я тебя не звала, а потом жаловаться, что я оказалась мачехой? Если ты станешь замерзать, умирать от голода или от ужаса, ты не найдешь здесь алтаря и я не услышу твоей молитвы.

“ ...Хаос, ты,
И ты, несозданная Ночь! Пришел
Не как лазутчик, тайны распознать
Владений ваших...
...в здешний Край
Забрел я, ибо к свету верный путь
По вашей мрачной области пролег. [32]

Вершины гор – это недостроенные участки планеты, и мы оскорбляем богов, когда карабкаемся туда, чтобы подглядывать их тайны и испытывать их воздействие на смертных. Простые люди и дикари не поднимаются на горы, для них вершины священны и таинственны. Помола всегда гневается на тех, кто поднимается на вершину Ктаадна.

По сведениям Джексона, который в качестве Главного Геолога штата точно ее измерил, высота горы Ктаадн равна 5300 футов, [33] то есть немногим больше мили, над уровнем моря. Он добавляет: «Это – высшая точка штата Мэн и наиболее крутая гранитная гора Новой Англии». Все особенности обширного плато, на котором я стоял, как и полукруглой пропасти, с его восточной стороны были скрыты туманом. Я принес на вершину свою котомку, спуститься к реке и в заселенные части штата мне, быть может, предстояло одному и другой дорогой; и я хотел иметь при себе все необходимое. Однако я опасался, что мои спутники поспешат выйти к реке засветло, а облака могут лежать на вершине целыми днями; пришлось спускаться. Во время спуска ветер порой открывал мне окно в облаках, и я мог видеть на востоке бесконечные леса, озера и сверкавшие на солнце реки; некоторые из них впадали в Восточный Рукав. Там же виднелись какие-то новые горы. Иногда какая-нибудь серая птичка из семейства воробьиных пролетала передо мной, не управляя своим полетом, точно кусочек серой скалы, уносимой ветром.

Спутники мои были там, где я их оставил, на склоне; они собирали горную клюкву, заполнявшую каждую расщелину между камнями, и чернику, которая на этой высоте становится кислее, но все равно нравится нам. Когда местность будет заселена и появятся дороги, клюква, возможно, станет товаром. С этой высоты, под самыми облаками, нам на целую сотню миль была видна местность – к западу и к югу. Перед нами лежал штат Мэн, который мы видели на карте, но непохожий на нее; необозримые леса, над которыми сияет солнце, – вот каковы эти восточные «пустоши», как называют их в Массачусетсе. Ни вырубок, ни домов. Не верилось, что одинокий путник срезал здесь хотя бы палку. Бесчисленные озера, на юго-западе – Лосиная Голова, сорок миль на десять, похожее на блестящий серебряный поднос; Чесункук, восемнадцать миль на три, без единого островка;

а к югу – Миллинокет с целой сотней островов; и еще горы, чьи названия большей частью известны только индейцам. Лес казался отсюда плотным зеленым дерном, а разбросанные по нему озера некто побывавший здесь после нас удачно сравнил с «зеркалом, разбитым на тысячу осколков, которые рассыпались по траве и ослепительно сверкают на солнце». Большая у кого-то будет ферма, когда тут расчистят почву. Как сообщает Географический Справочник, изданный до того, как был решен вопрос о границах, округ Пенобскот, где мы находились, больше всего штата Вермонт с его четырнадцатью округами; а ведь он – всего лишь часть необитаемых земель Мэна. Но сейчас речь идет не о политических, а об естественных границах. От Бангора мы находились примерно в восьмидесяти милях по прямой и в ста пятнадцати, которые мы проехали, прошли и проплыли. Нам оставалось утешиться размышлением, что отсюда вид был, вероятно, не хуже, чем с вершины; да и что такое гора без свиты туч и туманов? Как и мы, Бейли и Джексон тоже не бывали на вершине при ясной погоде.

Желая вернуться на реку еще засветло, мы решили идти вдоль ручья – это был, как мы полагали, Мэрч-Брук, – пока он не уведет нас слишком далеко от нашего пути. Около четырех миль мы прошли прямо по ложу потока, то и дело переходя его, перепрыгивая с камня на камень, спрыгивая вместе с потоком футов на семь-восемь вниз, а иногда скользя на спине по мелководью. Весной по этой лощине прошел особенно сильный паводок, видимо сопровождавшийся оползнем. Здесь несся поток воды и камней по крайней мере футов на двадцать выше нынешнего уровня. По обе стороны русла с деревьев была до самых верхушек содрана кора; они были расколоты, погнуты, искривлены, а кое-где тонко расщеплены, образуя что-то вроде метлы; некоторые, не менее фута в диаметре, переломлены; и целые купы деревьев стояли придавленные тяжестью нагроможденных на них камней. В развилине одного дерева, на высоте около двадцати футов, лежал камень в два-три фута диаметром. За все четыре мили пути мы встретили лишь один ручеек, впадавший в наш; воды в нем не прибывало, видимо, от самого верховья. Вниз мы продвигались очень быстро, точно нас подгоняли, и научились весьма ловко прыгать с камня на камень, ибо прыгали поневоле, был ли камень на желаемом расстоянии или нет. Тому, кто шел впереди, представлялась, когда он оглядывался, живописная картина: по извилистой лощине, окаймленной скалами и зеленым лесом, на фоне пенистого потока альпинисты в красных рубашках или зеленых куртках, с рюкзаками за спиной, прыгают с камня на камень или останавливаются, где это возможно, посреди потока, чтобы починить прореху в одежде или отвязать от пояса ковшик и зачерпнуть воды. Однажды на маленькой песчаной отмели нас поразил свежий след человеческой ноги, и мы поняли, что почувствовал при таком же зрелище Робинзон Крузо; наконец мы вспомнили, что побывали здесь на пути вверх, переходили этот поток, и один из нас спускался к воде напиться. Прохладный воздух и постоянно принимаемые нами водные процедуры – попеременно ножные и сидячие ванны, души и погружения – необыкновенно нас освежали; впрочем, после одной-двух миль пути уже по сухому берегу наша одежда снова была совершенно сухой, что объясняется, быть может, особыми свойствами воздуха.

Когда мы отошли от потока и усомнились в правильности выбранного пути, Том сбросил свою котомку у подножья самой высокой ели, взобрался футов на двадцать по ее гладкому стволу, а затем скрылся в ветвях, пока не ухватился за самую верхнюю. [34] Мак-Кослин в молодости побывал в лесах с отрядом, под командованием некоего генерала, и вдвоем с

еще одним человеком производил всю разведку. Генерал командовал: «У этого дерева срубить верхушку» – и самые высокие деревья в мэнских лесах лишались своих верхушек. Мне рассказывали, что два человека, заблудившись в этих лесах, хотя находились и ближе к населенным местам, чем даже мы, влезли на самую высокую из ближайших сосен и с ее верхушки увидели вырубку, а над ней дымок. На высоте – около двухсот футов – у одного из них закружилась голова, он потерял сознание на руках своего спутника; тому пришлось спускаться вместе с ним, а он то приходил в себя, то снова терял сознание. Мы крикнули Тому: «Куда указывает верхушка? И где горелые участки?» Последнее он мог только предположить; зато увидел лужок и озерко, вероятно лежавшие на нашем пути; к ним мы и решили держать путь. На этом лугу, на берегу озерка, мы увидели свежие лосиные следы, и вода еще колыхалась, словно лоси только что убежали от нас. Немного дальше, в густых зарослях, мы, как видно, продолжали идти по их следу. Этот луг на горном склоне, укрытый лесами, был невелик, всего в несколько акров; его, быть может, никогда еще не видел белый человек, и думалось, что здесь лоси могли спокойно пастись, купаться и отдыхать. Вскоре затем мы вышли на открытое место, полого спускавшееся к Пенобскоту.

Быть может, именно на этом спуске я понял всего яснее, что перед нами была первозданная, непокоренная и непокоряемая Природа, или как там еще зовет ее человек. Мы шли по горелым участкам, возможно спаленным молнией, хотя недавних следов огня не было, разве какой-нибудь обугленный пень; местность походила скорее на естественное пастбище лосей и оленей, дикое и унылое, кое-где пересеченное группами деревьев – низкорослыми тополями, – а местами поросшее черникой. Я шел по нему как по чему-то привычному, как по пастбищу, заброшенному или только частично используемому человеком; но когда я задумался над тем, что это за человек, какой брат, или сестра, или родич рода человеческого имеет на него права, мне показалось, что владелец сейчас явится и запретит мне пройти. Нам трудно представить себе местность, где человек не живет. Мы всюду предполагаем его присутствие и влияние. И мы не знаем Природу как таковую, если не увидели ее вот такой – огромной, суровой и бесчеловечной, пусть даже вокруг нее города. Здесь Природа была чем-то диким и пугающим, хотя и прекрасным. Я с трепетом смотрел на землю, по которой ступал, на то, что создали здесь Силы, на облик сотворенного, на материал, из какого творили. То была Земля, о которой мы знаем, что она была создана из Хаоса и Изначальной Ночи; не как сад для человека, а как никому не дарованный мир. Не луг, не пастбище, не лес, не поле под паром, не пашня и не пустошь. То была естественная поверхность планеты Земля, какой она была создана на веки веков – не затем, как мы считаем, чтобы служить обиталищем человеку, нет, создана Природой, а человек пусть пользуется ею, если сумеет. Природа не имела в виду человека. Это – Материя, исполинская и грозная; это не его Мать-Земля, о которой мы слышали, по которой ему ступать и в которую лечь – нет, даже сложить в ней свои кости для него было бы дерзостью – это обиталище Необходимости и Рока. Здесь ощущается присутствие силы, которая не обязана быть доброй к человеку. Здесь место для суеверных языческих ритуалов – а если для людей, то более близких скалам и диким животным, чем мы. Мы проходили здесь с неким трепетом, иногда останавливаясь, чтобы набрать черники, у которой здесь особый, пряный, вкус. Быть может, у нас, в Конкорде, там, где сейчас растут сосны и лес устал листьями, были некогда жнецы и сеятели; но здесь человек не нанес земле ни одного рубца; здесь были образцы того, из чего Богу угодно было создать этот мир. Чего стоит посещение музея, где показывают несметное число различных предметов, когда

здесь вам покажут поверхность звезды и первозданную материю в ее естестве! Начинаешь страшиться своего тела; эта материя, в которую я заключен, стала мне такой чуждой. Я не боюсь духов и призраков, ведь я сам – один из них; их может бояться мое тело, а я боюсь тел, страшусь встречи с ними. Какой Титан овладел мною? Что говорить о тайнах! Вдумайтесь в нашу жизнь на природе – где мы ежедневно видим материю и соприкасаемся с нею, – со скалами, деревьями, с овевающим нас ветром! Твердая земля! Реальный мир! Здравый смысл! Соприкосновение с ними! Кто же мы? Где же мы?

Вскоре мы узнали скалы и другие приметы местности, которые старались запомнить на пути туда; мы зашагали быстрее и к двум часам добрались до bateau. [35] Здесь мы надеялись пообедать форелью; однако при ярком солнце она неохотно шла на наши наживки, и пришлось удовольствоваться кусочками сухарей и свинины, которые у нас почти кончились. Мы подумывали пройти милю вверх по реке, до вырубки Гибсона на Соваднехунке, где была покинутая хижина, чтобы раздобыть сверло в полдюйма для починки одного из наших шестов. Вокруг было достаточно молодых елей, был и запасной шип; но нечем было просверлить отверстие. Однако мы не знали, найдем ли там какой-либо инструмент, и сами кое-как починили сломанный шест, которым, впрочем, не думали много пользоваться на обратном пути. К тому же не хотелось терять на это время; ветер мог подняться прежде, чем мы доберемся до больших озер, и это нас задержало бы; ибо даже умеренный ветер поднимает в этих водах такую волну, что в bateau не продержаться и минуты. Однажды это на целую неделю задержало Мак-Кослина у входа в озеро Северный Блинец, а оно имеет всего четыре мили ширины. Припасы у нас почти кончились, так что мы не были готовы, если что-либо случится с лодкой, идти, быть может целую неделю, берегом, пробираясь без дорог по лесу и вброд через бесчисленные ручьи.

Мы с сожалением покинули Чесункук, где когда-то работал Мак-Кослин, и озера Аллегаш. Выше были еще более длинные пороги и волоки; в числе последних – волок Риппогенус, в три мили длиной и, по словам Джорджа, самый трудный на всей реке. Вся длина Пенобскота составляет двести семьдесят пять миль, а мы все еще были почти в ста милях от его истоков. Ходж, помощник Главного Геолога штата, подымался по этой реке в 1837 году; по волоку всего в милю и три четверти он перешел на Аллегаш, вниз по нему – на реку Сент-Джон, вверх по Мадаваске и по Большому Волоку на реку Св. Лаврентия. Кроме его отчета, мне не известны никакие описания такого пути в Канаду. Вот как он говорит о своей первой встрече с этой рекой: если можно сравнивать малое с великим, это было подобно первому взгляду Бальбоа [36] на Тихий океан с высот перешейка Дариен. «Когда, с высокого холма, мы впервые увидели реку Св. Лаврентия, – пишет Ходж, – зрелище было поразительное, тем более что перед этим я два месяца провел в глухом лесу. Перед нами была река шириною около десяти миль; на ее поверхности виднелось несколько островов и рифов, а близ берега стояли на якоре два корабля. За рекой тянулась холмистая невозделанная земля. Солнце в этот миг заходило за холмы и золотило все это своими прощальными лучами».

В тот же день, часа в четыре пополудни, мы пустились в обратный путь, где шестов почти уже не требовалось. Спускаясь по порогам, лодочники вместо шестов пользуются большими и широкими веслами. Хотя мы шли быстро и часто без усилий там, где путь вверх давался с таким трудом, теперешнее плавание было намного опаснее; ибо стоило натолкнуться на один из тысяч окружавших нас камней, и лодка мгновенно наполнилась бы водой. Когда это

происходит, лодочникам обычно удается ненадолго удерживаться на плаву; течение несет и их и груз вниз по реке, и, если они умеют плавать, им надо только держать к берегу. Самое опасное – это попасть в водоворот за каким-нибудь крупным камнем, где вода стремится против течения быстрее, чем основная ее масса течет вниз; тогда человека вертит под водой, пока он не утонет. Мак-Кослин показал нам камни, возле которых такая беда уже случалась. Он и сам попал однажды в водоворот, и его спутникам уже были видны только его ноги; но, к счастью, его вынесло на поверхность, когда он еще дышал. [37] Вот какую задачу должен решать лодочник, спускаясь по порогам: на скорости пятнадцать миль в час выбирать безопасный путь в обход бесчисленных подводных камней, разбросанных на целую полумиллю. Остановиться он не может; можно только решать, как идти. Носовой гребец выбирает путь, глядя в оба и веслом изо всех сил удерживая на этом пути лодку. Кормовой гребец верно за ним следует.

Скоро мы достигли водопадов Аболджкармегус. Чтобы не тратить лишнего времени и труда на тамошнем волоке, наши лодочники сделали сперва разведку и решили пустить лодку с водопада, а по волоку перенести только нашу поклажу. Прыгая с камня на камень почти до середины реки, мы приготовились принять лодку и спустить ее с первого водопада, отвесно падающего на шесть-семь футов. Лодочники, стоя по бокам лодки по колено в быстрой воде, на краю большого камня, там, где уступ не менее девяти футов высотой, осторожно спускают лодку, пока ее нос не выставится над уступом футов на десять – двенадцать; потом, пока один держит ее за фалинь, второй прыгает в нее, а за ним и первый; их несет по порогам до следующего водопада или выносит на спокойную воду. Так за несколько минут они совершают нечто такое, что для менее искусных было бы безумием не меньшим, чем спуск по Ниагаре. Казалось, что нужно лишь немного опыта и еще чуть больше искусности, чтобы удачно спускаться даже и по таким водопадам, как Ниагара. Я убедился, что этим людям можно доверять, во всяком случае на порогах, увидя, как хладнокровны, собранны и находчивы они были, спускаясь по водопадам. Это как-никак водопады, а водопады ведь, кажется, нельзя безнаказанно переходить вброд, точно грязную лужу. Теряя свою способность губить нас, они могут потерять и свое величие. Что ближе знаешь, то меньше ценишь. И вот лодочник останавливается где-нибудь под нависшей скалой, с которой низвергается водопад, стоит там по колено в воде, и сквозь брызги доносится его хрипловатый голос, спокойно указывающий, как на этот раз надо спускать лодку.

Обойдя по волоку водопад Поквокомус, мы пришли на веслах к волоку Катепсконеган, он же Оук-Холл, где решили заночевать, чтобы утром нести лодку на отдохнувших плечах. На плече каждого лодочника образовалась красная, величиной в ладонь, вмятина от лодки; у каждого плечо, несшее на себе всю тяжесть, за долгое время стало заметно ниже другого. Такая работа скоро изнуряет самых крепких. Сплавщики работают весной в холодной воде, и одежда на них редко бывает сухой; если случается окунуться целиком, переодеться они могут только вечером, и то редко. А тот, кто проявляет о себе подобную заботливость, получает особое прозвище или расчет. Такую жизнь могут вести только люди-амфибии. Мак-Кослин спокойно рассказал – и если это байка, то все равно хорошая, – что видел, как шесть человек стояли под водой, орудуя ганшпугами, чтобы раскидать затор. Когда бревно сдвигалось не сразу, им приходилось высунуть голову из воды и вдохнуть. Сплавщик работает, пока хоть что-то видно, от темна до темна, а вечером, не успев съесть ужин и обсушиться, засыпает мертвым сном на своей хвойной подстилке. В ту ночь мы легли на

постель, оставшуюся после сплавщиков; натянули палатку на еще стоявшие колья и только застлали сырую постель свежими листьями.

Утром мы понесли лодку дальше и поспешили спустить ее на воду, пока не поднялся ветер. Наши лодочники спустились по водопадам Пассамагамет и Амбеджиджис, а мы несли по берегу вещи. У входа в озеро Амбеджиджис мы наскоро позавтракали остатками свинины и скоро снова шли на веслах по его гладкой поверхности, под ясным небом; на северо-востоке виднелась гора, теперь уже очистившаяся от облаков. Сменяясь на веслах, при слабом ветре, который нам не мешал, мы быстро, со скоростью шесть миль в час, прошли бухту Глубокую, подножье Памадумкука, озеро Северный Блинец и к полудню достигли Плотины. Лодочники провели лодку через один из бревенчатых шлюзов, где перепад уровней был десять футов, и внизу взяли нас на борт. Здесь начиналась самая длинная полоса порогов на нашем пути. И задача была, пожалуй, самая опасная и трудная. Скорость достигала порой пятнадцати миль в час, и при ударе о скалу лодка мгновенно раскололась бы от носа до кормы. Мы то крутились в водовороте, точно поплавков при ловле какого-то морского чудовища, то стремительно кидались к одному или другому берегу, ускользя от гибели, то изо всех сил работали веслами, отталкиваясь от камней. Думаю, что это было похоже на спуск по порогам Saute de St. Marie [38] на выходе из озера Верхнего и что наши лодочники показали, пожалуй, не меньшее искусство, чем показывают там индейцы. Эту милю мы прошли быстро и оказались в озере Куйекиш.

После такого плавания бурные и грозные воды, с которыми, как казалось нам прежде, шутить нельзя, предстали покоренными и прирученными; их дразнили и бросали им вызов; умирляли их веслами и шестом с острым шипом; безнаказанно через них прорывались; лишённые своего грозного ореола, самые вздутые и бурные реки отныне казались игрушками. Мне стало понятно панибратское и пренебрежительное отношение лодочников к порогам. «Братья Фаулеры, – сказала миссис Мак-Кослин, – в воде все равно что утки». Она рассказала, как они ночью ездили на лодке за сорок миль в Линкольн за доктором; было так темно, что они не видели и на пятнадцать футов перед собой, а река так вздулась, что стала почти сплошным порогом; доктор, когда они везли его уже при дневном свете, воскликнул: «Том, да как же ты правил в темноте?» – «А мы почти и не правили, только, глядели, не опрокинуться бы». И все сошло гладко. Правда, самые трудные пороги находятся выше.

Добравшись до Миллинокета, как раз напротив жилища Тома, мы стали ждать, чтобы его родные переправили нас к себе, ибо лодку мы оставили выше Больших Водопадов. Тут мы увидели два каноэ, и в каждом – по два человека; они выехали из озера Алоза; одно каноэ держалось дальней стороны островка, который был перед нами, другое приближалось к нам по нашей стороне; люди в нем внимательно оглядывали берег в поисках мускусных крыс. Это оказались Луи Нептун и его спутник, которые наконец-то выбрались в Чесункук охотиться на лосей; но они были так одеты, что мы едва их узнали. В широкополых шляпах и плащах с большими пелеринами, добытыми в Бангоре, их даже на небольшом расстоянии можно было принять за квакеров, которые решили обосноваться в этом Лесном Царстве, а поближе – за светских джентльменов наутро после кутежа. Встреченные в их родных лесах индейцы походили на те мрачные и жалкие существа, которые подбирают хлам и бумагу на городских улицах. Есть неожиданное и поразительное сходство между выродившимся дикарем и человеком из низших слоев большого города. Первые являются детьми природы

не больше, чем вторые. Процесс вырождения стирает и различия между расами. Нептун, увидя в руках одного из нас несколько перепелов, прежде всего захотел узнать, что еще мы «убивали», но мы слишком были сердиты, чтобы отвечать. До этого мы считали, что у индейцев есть какая-то порядочность. Но он сказал: «Моя болеет. Сейчас тоже болеет. Делай со мной расчет, и я уйду». А дело было в том, что их задержала попойка на Пяти Островах, от которой они еще не оправались. В каноэ у них было несколько молодых мускусных крыс; они их выкапывают из береговых нор не ради шкурок, а на еду; это их обычная дорожная пища. И они поплыли по Миллинокету, а мы пошли берегом Пенобскота, простясь с Томом у него в доме и освежившись его пивом.

Итак, человек может прожить свою жизнь здесь, в лесах, на индейской реке Миллинокет, в глубине неосвоенного материка; по вечерам, глядя на звезды, играть на флейте под завывание волков; жить как первобытный человек и как бы в первобытном мире. Но будут у него и солнечные дни; он мой современник, он прочтет иной раз какие-нибудь разрозненные страницы и побеседует со мной. К чему читать исторические труды, если века и поколения существуют сейчас? Он живет в глубине времен, три тысячи лет назад, в пору, еще не описанную поэтами. Можно ли дальше этого углубиться в прошлое? Да, да! Можно. Ибо в устье реки Миллинокет только что вошел человек, еще более древний и первобытный, чья история не доведена даже и до того, первого. Он плавает в ладье из коры, сшитой корнями ели, и гребет веслами из граба. Он для меня смутен и неясен, заслонен эпохами, которые пролегли между каноэ из коры и bateau. Он строит не дом из бревен, а вигвам из шкур. Он ест не горячие лепешки и сладкие пироги, а мускусных крыс, мясо лося и медвежий жир. Он плывет вверх по реке Миллинокет, и я теряю его из виду, как теряется в пространстве дальнее облако, заслоненное ближним. Так плывет к своей судьбе этот краснокожий человек.

Переночевав и в последний раз смазав сапоги сливочным маслом в доме дяди Джорджа, чьи собаки на радостях едва не проглотили его, когда он вернулся, мы прошли вниз по реке около восьми миль пешком, затем наняли bateau и при нем человека с шестом, чтобы довести нас до Маттаванкеага, а это еще десять миль. Чтобы быстро закончить длинный рассказ, мы в ту же ночь подошли к недостроенному мосту в Олдтауне, под неумолчный свист и звон сотни пил, а в шесть часов следующего утра один из нашей компании плыл на пароходе в Массачусетс.

Что особенно поражает в мэнской глуши – это огромность лесных массивов, где прогалин и открытых мест меньше, чем ожидаешь. Не считая немногих горелых участков, узеньких полос вдоль рек, голых вершин больших гор и, конечно, озер и потоков, все там – сплошной лес. Он даже более угрюм и дик, чем вы думаете. Это сырая, непролазная чаща, особенно сырая весной. Весь этот край суров и дик; и только виды с холмов на дальние леса и озера имеют в себе нечто более кроткое и как бы цивилизованное. Озера поражают вас неожиданностью; так высоко они лежат, так полны света, а лес по их берегам переходит в узкую кайму, кое-где прерываемую голубоватыми вершинами гор, точно аметистами, обрамляющими чистейшей воды бриллиант. Насколько же они старше, насколько выше всех перемен, каким суждено свершиться на их берегах, да и сейчас они изысканно прекрасны, и прекраснее им не стать. Здесь не искусственные леса какого-нибудь английского короля, не королевские охотничьи угодья. Из всех лесных законов здесь царят лишь законы Природы.

Здесь жителей никогда не сгоняли с земель, Природу не лишали ее лесов.

Это край вечнозеленых деревьев, обомшелых серебристых берез и пропитанных сыростью кленов; где почва усеяна мелкими и безвкусными красными ягодами и сырыми мшистыми камнями; украшают его бесчисленные озера и быстрые потоки, населенные форелью и многими видами *leucisci*, лососем, щукой и другой рыбой; в лесу иногда слышны голоса гаички, голубой сойки и дятла, крик скопы и орла, хохот чомги и свист уток над уединенными речками; а по ночам ухает сова и завывают волки; летом здесь кишат мириады черных мух и москитов, для белого человека более страшных, чем волки. Таково жилище лося, медведя, канадского оленя, волка, бобра и индейца. Как описать невыразимую прелесть и бессмертную жизнь сурового леса, где у Природы, даже зимою, царит вечная весна, где поросшие мхом гниющие деревья вовсе не стары, а словно вечно молоды, и блаженная, невинная Природа, как беззаботный ребенок, слишком счастлива, чтобы издавать иные звуки, кроме звонкого лепета птиц и журчанья ручьев.

Какое место для жизни, для смерти и погребения! Здесь люди наверняка должны бы жить вечно и смеяться над смертью и могилой. Здесь невозможны мысли, какие являются на сельском кладбище, – и эти влажные вечнозеленые гамаки не могут казаться могилами!

“ Пусть, кто хочет, в гроб ложится,
Мне надо жизнью насладиться.
Ставши жителем лесным,
Буду вечно молодым.

Мое путешествие напоминает мне, до чего еще молода наша страна. Достаточно нескольких дней пути в глубь многих штатов, даже из числа старых, чтобы очутиться в той самой Америке, какую посетили викинги, Кабот, Госнолд, Смит и Рэли. Если Колумб первый открыл острова, то Америго Веспуччи, Кабот, пуритане [39] и мы – их потомки – открыли всего лишь побережье Америки. Хотя республика уже имеет историю, ставшую частью истории мировой, Америка все еще не заселена и не исследована. Подобно англичанам в Новой Голландии, мы и сейчас живем лишь по берегам континента и едва ли знаем, откуда текут реки, по которым плавают наш военный флот. Само дерево, доски и дранка, из которых построены наши дома, еще вчера росли в лесной глуши, где охотится индеец и бродят дикие лоси. Глушь есть и внутри самого штата Нью-Йорк; и хотя европейские моряки измерили лотом его Гудзон, а Фултон [40] давно изобрел на его водах свой пароход, ученым Нью-Йорка, чтобы добраться до истоков Гудзона в Адирондакс, все еще не обойтись без проводника-индейца.

Да и берега, разве они исследованы и заселены? Пусть кто-нибудь пройдет пешком по побережью, от Пассамакуодди до Сабины, [41] или до Рио-Браво, или еще дальше, туда, где сейчас кончается этот путь, – если достаточно быстроног, он пройдет и дальше; пусть под шум прибоя обойдет каждую бухту и каждый мыс; раз в неделю он набредет на унылый рыбацкий поселок и раз в месяц – на портовый город; будет ночевать на маяках, если такие попадутся, и пусть тогда скажет мне, похоже ли это на исследованную и заселенную страну или же на безлюдный остров и Ничью Землю.

Мы прорвались до Тихого океана, но оставили позади себя неисследованными немало Орегонов и Калифорний меньшего размера. Пусть на берегах мэнских есть и железная дорога, и телеграф – с гор внутри штата на них все еще глядит индеец. Город Бангор, стоящий на реке Пенобскот, в пятидесяти милях от ее устья, где сосредоточены наиболее крупные суда, Бангор – самый большой дровяной склад на всем континенте, с населением в двенадцать тысяч человек, сияет как звезда на краю ночи и продолжает вырубать лес, из которого выстроен; он уже изобилует европейскими предметами роскоши и комфорта, он шлет свои суда в Испанию, Англию и Вест-Индию за пряностями; но лишь горстка лесорубов ходит вверх по реке, в «пустыню, печальную и дикую», [42] которая питает все это. А в ней еще встречаются медведи и олени; и лось, переплывая Пенобскот и запутавшись среди судов, становится добычей иностранных матросов. Двенадцать миль вглубь, двенадцать миль железнодорожной линии – и вот уже Ороно и Индейский остров, родина племени пенобскотов, а там начинаются bateaux и каноэ и военная тропа; а еще на шестьдесят миль дальше местность совершенно не исследована и не нанесена на карты, и там поныне качают своими ветвями девственные леса Нового Света.

Примечания

4 Stallman R. W. Stephen Crane, A. Biography. New York, 1968, p. 78.

5 Бангор, в штате Мэн, откуда Торо начинает свое путешествие, главный город графства Пенобскот в 60 милях от атлантического побережья. Ко времени путешествия Торо Бангор – крупный центр лесодобывающей и лесобрабатывающей промышленности.

6 Судне (фр.).

7 Бейли Джейкоб (1811—1857) – американский минералог.

8 Джексон Чарлз Томас (1805—1870) – главный геолог штата Мэн в 1836—1838 гг.

9 Шарлеруа Пьер Франсуа (1682—1761) – французский иезуит, писатель и путешественник. Исследовал залив Святого Лаврентия и спустился по Миссисипи до Нью-Орлеана.

10 Путешественниках (фр.). Voyageurs – франко-канадское наименование торговцев мехами в Канаде XVIII столетия, проникавших по речным артериям на лодках в отдаленные районы страны.

11 Абенаки (или абнаки) – федерация одноязычных индейских племен, первоначально населявших нынешний штат Мэн.

12...это дело рук Рима. – Имеется в виду католическая церковь.

13 Хоултонская дорога и Холм Марса. – Автор ведет здесь речь об американско-канадском пограничном конфликте 1838—1839 гг., улаженном без военного столкновения сторон.

14 Могавки – воинственное племя, входившее в федерацию Пяти индейских племен. (С 1715 года, когда к ним примкнули индейцы-тускарора, – Шести племен.)

15 Ротшильд – Ротшильды – известная финансовая группа в Западной Европе. Здесь в общей форме – семья богачей.

16 Братец Джонатан – собирательный образ американца (в противоположность Джону Буллю, британцу) характеризовался обычно в полемической английской литературе начала XIX столетия как неотесанный простака, «деревенщина».

17 Хэмпден Джон (1595—1643) – видный деятель английской парламентской оппозиции в канун свержения Карла I.

18 Может быть, здесь, в могиле... – Торо цитирует стихотворение английского поэта-сентименталиста Томаса Грея «Элегия, написанная на сельском кладбище» (1751). Перевод В. А. Жуковского. В предшествующих строках Торо имеет в виду стихи из той же «Элегии»:

...Быть может,

Здесь погребен какой-нибудь Гампден, незнаемый, грозный

Мелким тиранам села, иль Мильтон, немой и бесславный,

Иль Кромвель, неповинный в крови сограждан.

19

Спрингер в своей «Лесной жизни» (1851) говорит, что с места, где будет строиться лагерь, убирают листья и дерн, опасаясь пожара; что «для постройки выбирают обычно ель, ибо это дерево легкое, прямое и лишенное соков»; что «крышу кроют сверху ветками пихты, ели и болиголовом, так что, когда на них ложится снег, дом сохраняет тепло в самые сильные морозы»; и что сиденье, ближайшее к очагу, называемое Креслом Дьякона, делается из ствола ели или пихты, расколотого пополам, на котором с одного боку оставляют три-четыре крепких обрубка ветки, чтобы служили опорой для ног; и уж они-то не расшатываются. (Примеч. автора.)

Здесь и далее Торо ссылается на книгу Спрингера, изданную уже после журнальной публикации «Ктаадна». Видимо, он и позже возвращался к этой работе.

20 «Агасфер, или Вечный Жид» – сенсационный роман французского писателя Эжена Сю (1845). Американское издание вышло в том же году.

21 Канадцы называют это *riquer de fond* (достать дно – фр.). (Примеч. автора.)

22 Симплегады. – В древнегреческом сказании об аргонавтах – коварно сдвигающиеся скалы, препятствовавшие входу судов в Понт Эвксинский (Черное море). Корабль «Арго» благополучно их миновал с помощью Афины-Паллады.

23Даже миссионеры-иезуиты, привычные к реке Св. Лаврентия и другим канадским рекам, повествуя о первых своих экспедициях в страну Абенаков, говорят о реках ferrées de rochers, то есть подкованных скалами. (Примеч. автора.)

24Партия Свободы – одна из первых аболиционистских политических организаций США (создана в 1840 году).

«Вестминстер Ревью» – основанный в 1824 году английский литературно-общественный журнал позитивистского направления.

25«Постоянной силы течение и постоянный уровень воды предпочтительнее изменчивых; когда уровень быстро поднимается, вода посреди реки стоит значительно выше, чем у берегов, – настолько, что это заметно наблюдающим с берега, – и напоминает заставу на дороге. Поэтому сплавляемый лес неизбежно расходится из середины реки к обоим ее берегам». – Спрингер. (Примеч. автора.)

26Мишо Франсуа Андре (1770—1865) – французский ботаник, исследователь флоры североамериканского материка.

27Мифы о Протее. – В древнегреческой мифологии Протей – морское божество, способное принимать облик различных существ.

28Что, поставив котелок на огонь, они наловили достаточно на обед еще прежде, чем согрелась вода (фр.). Что, поставив котелок... – Торо цитирует сочинение французского писателя Марка Лескарбо «Новая Франция», посвященное открытиям ранних французских путешественников на территории нынешней Канады.

29Нимрод – великий охотник, упоминаемый в Библии (Книга Бытия, 10, 9). Здесь – шутивное обозначение искусного стрелка.

30Сквозь чащу... – Торо цитирует «Потерянный рай» Джона Мильтона. Перевод Н. Холодковского.

31...Таков был Кавказ и скала, где приковали Прометей. – Торо соотносит пейзаж Ктаадна с древнегреческим мифом о поверженном титане (положенным в основу трагедии Эсхила «Прикованный Прометей»).

32

Хаос, ты... – Торо снова цитирует «Потерянный рай» Мильтона. Перевод А. Штейнберга.

33

Высота горы Ктаадн равна 5300 футов. – Согласно данным в «Энциклопедия Американа» высота горы Ктаадн —5385 футов.

34«Ель, – писал Спрингер в 1851 году, – выбирается из-за удобства, какое предоставляют ее многочисленные ветви. Чтобы добраться до нижних ветвей, если они находятся в двадцати или даже в сорока футах от земли, срубают и прислоняют к стволу небольшое дерево, по которому и поднимаются. Когда надо подняться на очень большую высоту, ель прислоняют к высокой сосне, по которой можно взобраться на высоту, вдвое превышающую окружающий лес». Чтобы указать направление, человек, взобравшийся на сосну, бросает вниз ветку, и тот, кто на земле, таким образом ориентируется. (Примеч. автора.)

35Медведи ничего там не тронули. А бывает, что они разносят лодку на куски ради смолы, которой она промазана. (Примеч. автора.)

36

Нуньес де Бальбоа Васко (1475—1517) – испанский конкистадор. В 1513 г., перейдя Панамский перешеек, впервые достиг американского побережья Тихого океана.

37Вот газетная вырезка: «11-го сего месяца (мая 1849 года) у водопада Раппогенус утонул сплавщик, м-р Джон Деланти из Ороно, штат Мэн. Этому жителю Ороно было двадцать шесть лет. Его товарищи нашли тело, обернули его в кору деревьев и погребли в торжественно-тихом лесу». (Примеч. автора.)

38

Saute de St. Marie – знаменитые пороги на юго-восточной оконечности Верхнего озера, где оно соединяется с озером Гурон.

39

Торо перечисляет первооткрывателей северо-американского континента: Джона Кабота (1450—1499), Бартоломео Госнолда (? —1607), Джона Смита (1580—1631), Уолтера Рэли (1552—1618), а также Христофора Колумба (1451—1506), Америго Веспуччи (1454—1512) и первых английских поселенцев-пуритан.

40

Фултон Роберт (1765—1815) – американский изобретатель, построивший первый в мире колесный пароход.

41

Сабина – река на юге США, впадающая в Мексиканский залив. Рио-Браво-дель Норте – мексиканская река, пограничная с США.

42

«Пустыня, печальная и дикая» – библейский образ (Второзаконие, XXXII, 10).

Зверобой обновил 23 июня 2025 20:53:53